

РОМАН
ГЛУШКОВ

АВАРИЙНАЯ КОМАНДА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Роман Глушков

Аварийная команда

«ЭКСМО»

2007

Глушков Р. А.

Аварийная команда / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-22513-2

Легко ли уничтожить Вселенную? Как оказалось, проще простого. Эту горькую истину пришлось познать на собственном опыте директору охранного агентства Глебу Свекольникову, вынужденному заниматься незаконными делишками для своего вышестоящего покровителя. Разумеется, Глеб понятия не имел, какой катастрофой обернется его поездка в отдаленный райцентр Горнилово, где Свекольникова ожидала вполне рядовая работенка: выбить должок у проигравшегося в казино местного предпринимателя. Кто бы мог подумать, что отобранная у него Глебом странная антикварная вещь окажется причиной локального конца света. Чудом уцелев в катастрофе вместе с горсткой случайных попутчиков, Глеб узнает, что у него есть шанс исправить собственную ошибку. Вот только на пути к этому лежит множество смертельно опасных препятствий и враждебных существ...

ISBN 978-5-699-22513-2

© Глушков Р. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	40
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Роман Глушков

Аварийная команда

Светлой памяти Юрия Брайдера, безвременно ушедшего от нас в вечное путешествие по мирам Тropy. Чистого тебе неба в каждом из них, Юрий!

Минутка конца света будет короче, чем слово творения.
Станислав Ежи Лец, сатирик

Чем ближе к небесам, тем холоднее.
Антон Дельвиг, поэт

Остановите мир, я сойду.
Энтони Ньюли, киноактер

Глава 1

Долги нужно отдавать вовремя... Короткий и емкий закон, в справедливости которого сегодня вряд ли кто-нибудь сомневается. Меня же всегда интересовало, почему эта правильная во всех отношениях заповедь не была начертана на ветхозаветных скрижалях. Почему их составитель считал прелюбодеяние более тяжким преступлением, чем нарушение долговых обязательств? Непонятно. Сложно поверить, что людям, жившим во времена пророка Моисея, было свойственно столь наплевательское отношение к невыплате долгов, ведь мытари в ту пору уже существовали. А раз так, значит, и работенка для них тоже имелаась в достатке.

Как, впрочем, и в наши дни... Но сейчас я имею в виду не налоговую инспекцию и прочие государственные органы, чьих представителей в народе издревле называют «кровопийцами». И не рэкетиры – этих «народных героев» эпохи становления рыночной экономики, гербом которых могли бы по праву служить утюг и бейсбольная бита. Таким мытарям, как я, свойственны иные способы убеждения строптивцев. На нашем гербе следовало бы нарисовать лишь пару перчаток и вывести лаконичный девиз – «Ultima ratio». Мы действительно олицетворяли для упрямо не желающих платить по счетам должников тот последний, решительный довод, за которым следовала либо расплата, либо... Но не будем о мрачном. Тем более что до крайностей в нашей работе доходило редко, и если порой клиенту приходилось рассчитываться с кредиторами собственной жизнью, значит, настолько он ей и дорожил.

Мы никого не страшили штрафными санкциями и судебным преследованием, равно как не размахивали перед должниками бейсбольной битой и не прижигали им животы раскаленным утюгом. Для наших собратьев по ремеслу, приверженцев грубой силы и инквизиторских методов, мы являлись эстетами-чистоплюями, брезгующими пачкаться в крови, чей вид – по мнению мытарей-костоломов – и служил главным аргументом убеждения в нашей работе.

Это было лишь отчасти верно. Крови мы не боялись, но старались не проливать ее без крайней необходимости. Зачем пускать в ход опасную бритву – единственный признаваемый нами «рабочий» инструмент, – когда зачастую для устрашения вполне хватало лишь ее демонстрации? А огнестрельное оружие носилось нами исключительно для самообороны. Ни я, ни мои напарники никогда не приставляли ствол пистолета к виску клиента – в нашем кругу это считалось моветоном. За годы моей специфической службы я не расстрелял из своего «зиг-зауэра» даже одного магазина патронов. У кого-то это признание вызовет лишь презрительный смешок, но для мытарей-чистоплюев вроде меня подобное «достижение» будет, наоборот,

свидетельством профессионализма и творческого подхода к работе. Времена криминального беспредела в деловом мире понемногу уходили в прошлое. Сегодня уже гораздо легче разрешить возникшие трения за столом переговоров, без крови и насилия. Само собой, что механизм быстрого и гарантированного возврата долгов тоже претерпел кое-какие эволюционные изменения, пусть и незначительные.

Разумеется, моя жизнь не всегда была такой. По молодости мне тоже довелось помахать бейсбольной битой, отстаивая в кровопролитных разборках коммерческие интересы всевозможных теневых князьков нашего города Калиногорска. Слава богу, что я научился быстро и безошибочно определять, кто из них обладает реальным авторитетом, а кто – всего лишь мыльный пузырь, чей скорый и незавидный конец был предreshен. До сих пор поражаюсь своей интуиции, что помогла мне занять сторону будущего победителя в тех уличных войнах, исход которых не мог тогда предсказать никто. Да, это была именно интуиция, потому что тонким психологическим чутьем я, к сожалению, отродясь не обладал.

Вот уже пятнадцать лет Глеб Свекольников по прозвищу Лингвист варится в этом котле с мутным, дурно пахнущим варевом. В нашем рискованном бизнесе — воистину огромный стаж. Неудивительно, почему мои постоянные напарники Тюнер и Кадило смотрят на меня, как на старика, которому чертовски повезло дожить до своих тридцати пяти и не подставить лоб под пулю в беспокойные девятностые годы. Благодарить за это следовало моего бессменного покровителя, ныне уважаемого бизнесмена и политика, а в прошлом – известного криминального авторитета по кличке Бурелом. Он пригнул меня под своим крылом еще сопливым юнцом, отчисленным из института за мордобой, и с тех пор держал при себе помощником по «урегулированию финансовых вопросов». Поначалу лишь в качестве рядового сотрудника, но со временем я умудрился дорасти даже до командного поста.

Директор частного охранного предприятия «Эспадон» Глеб Свекольников – именно так написано в моем служебном удостоверении. Тюнер и Кадило числились в «Эспадоне» сотрудниками отдела внутренних расследований. В действительности у меня никогда не было такого отдела. Да и зачем он нужен фирме, в штате которой, помимо нас троих, состоят всего-навсего двадцать человек? Это подразделение, набранное из обычных лицензированных охранников, обеспечивало безопасность мелкой оптовой базы в пригороде Калиногорска. За все восемь лет нахождения в директорском кресле я побывал на вверенном нам объекте от силы десятков раз. Дела шли, и ладно. А если кто-то из моих подчиненных начинал халатно относиться к службе, его просто-напросто увольняли, безо всяких разбирательств. Кому нужна лишняя волокита? Чего греха таить, я и сам трудился на этом поприще спустя рукава. Будь «Эспадон» не охранной фирмой, а фабрикой или заводом, с таким директором, как господин Свекольников, он давно бы обанкротился. Но тем и была хороша моя официальная работа, что при надлежащей организации трудового процесса и тщательном подборе кадров она не требовала от меня полной самоотдачи.

Таких фирмочек, как «Эспадон», у Бурелома было еще несколько. Чем конкретно они занимались, я понятия не имел, но, поскольку руководили ими мои бывшие соратники, подозревал, что деятельность этих «контор» мало чем отличается от нашей. Сегодня мы уже не были той сплоченной бригадой, как раньше, когда Бурелом держал у себя под пятой все Верхние Курганы – северный район Калиногорска. Теперь даже близкие друзья босса обращались к нему исключительно по имени-отчеству. А нас – его верных бойцов, которые пережили смутные годы и не разбежались по стране, пытаюсь порвать с прежним образом жизни, – уже не называли курганской братвой. Все мы давно переоделись из «адидасов» в гражданские костюмы и старались соответствовать тому социальному уровню, на котором обосновался Бурелом. И прежними кличками мы козыряли друг перед другом только в узком кругу, когда частенько собирались в ресторанах, чтобы вспомнить дела давно минувших дней да помянуть павших товарищей... Скажи мне кто-нибудь лет десять назад, что однажды мэр Калиногорска лично

вручит Глебу Матвеевичу Свекольникову диплом за победу в конкурсе директоров охранных фирм – мероприятия, о котором я слыхом не слыхивал! – я бы очень долго смеялся. Однако событие это имело место три месяца назад, в преддверии очередного Дня города. Что это было – шутка Бурелома, или он впрямь хотел преподнести мне приятный сюрприз, – я так и не понял...

...Как вот уже долгое время не могу уяснить для себя одно обстоятельство: хорошо или плохо то, что для своего благодетеля я до сих пор продолжаю оставаться Лингвистом – тем самым мальчиком на побегушках, который вкалывал на Бурелома лишь для того, чтобы заслужить уважение в обществе себе подобных и иметь источник средств на кабаки и девочек. Да, Лингвист был давно уже не мальчик, и это еще мягко сказано. Он добился желаемого авторитета, занимал хорошую должность и мог позволить себе дорогие рестораны и роскошных жриц любви (пусть не ежедневно, но тем не менее). Вот только сбывшиеся юношеские мечты почему-то не принесли мне полноценного счастья.

С каждым годом у меня в голове все сильнее свербела мысль, что пора бы завязывать с такой жизнью – ведь не будешь же до седых волос разьезжать по краю и выполнять для Бурелома грязную работу. Меня не утешал даже тот факт, что сегодня мне редко приходилось самому заниматься рукоприкладством – Тюнер и Кадило отлично справлялись с этим и без моего участия. Глеб Свекольников являлся крепким, здоровым мужчиной в самом расцвете лет и мог при желании достичь в жизни еще ого-го каких высот, только вместо этого тратил свои силы, помогая взбираться на Олимп собственному боссу. Раньше я искренне верил, что мое самопожертвование непременно выведет на вершину жизни и меня, но в реальности все оказалось иначе.

Бурелом достиг вождя Олимпа. Карабкаться выше, в большую политику, моему благодетелю мешало криминальное прошлое, что лежало на его репутации несмываемым пятном. Поэтому Бурелом вполне удовлетворился достигнутым успехом и теперь вел сытую размеренную жизнь местечкового нувориша, что имел влияние и в легальном бизнесе, и в теневом мире. Впечатляющая карьера для бывшего уголовника, чего уж там говорить.

А такие, как я, Тюнер, Кадило и прочие, кто продолжал верно служить Бурелому, намертво застряли где-то на полдороге к Олимпу. Стать «богоподобными» нам не светило при всем желании – не того полета мы были птицы. Бросить же своего покровителя и податься на вольные хлеба означало для нас не только лишение мощной протекции. Я смотрел трезвым взглядом за границы своего нынешнего мирка и с ужасом осознавал, что, выйдя из тени Бурелома, я буду вынужден начинать жизнь практически с нуля.

Что еще умел в этой жизни Лингвист кроме того, чем он упорно занимался на протяжении последних пятнадцати лет? Крепкие кулаки да репутация исполнительного и бескомпромиссного головореза – вот и все мои достоинства. Возобновить спортивную карьеру, которая получила многообещающий старт в институте и зачахла на корню после моего позорного отчисления, было попросту нереально. Ни один тренер не станет связываться с тридцатипятилетним боксером, решившим вернуться в профессиональный спорт после столь длительного перерыва. Поэтому мечтать о славе Джорджа Формана мне было заказано. Раньше я очень гордился спортивными медалями и кубками, заслуженными мной в юности. Ныне эта груда регалий хранилась в старой спортивной сумке; когда-то я называл ее «счастливая», поскольку она неизменно сопровождала меня на всех сборах и чемпионатах. А сумка, в свою очередь, была заброшена на самые дальние антресоли – туда, куда я не заглядывал, наверное, уже пару лет, а то и больше.

Покрытая пылью, коллекция спортивных наград олицетворяла для меня своеобразный мемориал, возведенный мной на останках той жизни, которую я мог бы прожить, но предпочел собственноручно задушить ее в зародыше. Нет, я вовсе не забросил в ту «счастливую» сумку свои боксерские перчатки и не заплыл жиром, как многие из моих друзей-ровесников, кому

уже не приходилось так часто размахивать кулаками во славу босса. Я и сейчас поддерживаю себя в хорошей бойцовской форме, поскольку в моей работе это жизненно необходимое условие. Я мог бы при желании принять участие в каком-нибудь боксерском турнире, и не исключено, что даже занял бы призовое место. По крайней мере, в спортзале Лингвист еще способен задать на ринге трепку кое-кому из районных чемпионов. Но как ни горько это признавать, годы мои уже не те. Если мне не удастся завершить поединок в первые пару минут, дальше я попросту начинаю выдыхаться и терять инициативу. Радует лишь то, что при наших разборках с должниками обычно не возникает затяжных потасовок, хотя бывает, что порой приходится и попотеть...

Бизнесмен из Горнилова – самого отдаленного райцентра нашего края – Адам Адамович Подвольский не принадлежал к таким крепким орешкам. Но вот его взрослый сын, коего по давней традиции их родовой ветви также нарекли Адамом, и куча племянников являлись для нас потенциальной угрозой. Подвольские – а их в Горнилове проживало немереное количество – являлись на зависть дружным семейством. Этаким маленьким провинциальным кланом, очень похожим на те, что показываются в фильмах про сицилийскую мафию, где вся многочисленная родня крепко сплочена общим бизнесом. Выкупив в свое время почти все местные сельхозпредприятия, сегодня Адам и его сын были самыми влиятельными деловыми людьми Горниловского района, что служил главной краевой житницей еще с дореволюционных времен.

Подвольский-старший имел некоторое влияние и в краевой столице. Насколько далеко простирались связи бизнесмена из глубинки, я не знал. Но раз уж владельцы крупнейшего калиногорского казино «Алмазная бригантина» позволяли Адаму играть у них в долг, значит, этот человек и здесь пользовался авторитетом. Правда, лишь до недавнего времени. Последняя проигранная Подвольским сумма была настолько значительной, что собрать и выплатить ее сразу он не смог. Бурелом – он был одним из совладельцев «Бригантины» – и его деловые партнеры дали Адаму отсрочку, и, надо заметить, весьма щедрую. Однако на сегодняшний день миновала уже неделя, как отпущенное Подвольскому время истекло, а он, похоже, и не думал рассчитываться, изобретая для кредиторов все новые и новые отговорки. Нам с напарниками было поручено раз и навсегда утрясти эту неурядицу.

Я, Тюнер и Кадило прибыли в Горнилово на поезде погожим октябрьским деньком. Мне нравилось бывать осенью в наших сонных райцентрах. Их размеренный жизненный темп резко контрастировал с нервной калиногорской суетой, и даже в преддверии важных дел я обычно старался выделить минутку, чтобы насладиться атмосферой провинциальной безмятежности. Желтые листья медленно облетали с деревьев на привокзальной аллее и шуршащим ковром устилали землю. Воздух был сырым, но прозрачным и удивительно свежим. Сказка да и только. При всем моем уважении к гениальному Левитану я сомневался, что ему удалось бы доподлинно передать в красках все здешнее великолепие.

– Поганое местечко! – Кадило моего настроения не разделял. – Должно быть, по вечерам здесь – тоска смертная. Готов поспорить, тут даже ресторана приличного нет, не то что сауны...

Служба такси, однако, имелась. Прежде чем нагрянуть к Подвольскому, мы нанесли визит вежливости местному «хранителю устоев», известному нам под прозвищем Анчоус. Отметиться у него было необходимо в обязательном порядке, поскольку мы не собирались работать на чужой территории без ведома хозяев. Заручившись покровительством Анчоуса – Бурелом еще вчера предупредил его по телефону о нашем появлении, – мы снова взяли такси и отправились на окраину райцентра. Теперь наш путь лежал в заповедную зону, где по уже укоренившейся общероссийской традиции предпочитали селиться небожители всех мастей.

Само собой, что в отличие от Анчоуса Подвольский о нашем приезде не ведал, иначе мы с товарищами наверняка прокатились бы сюда впустую. Цель нашей поездки была вполне конкретной: реквизиция у Адама наличности и материальных ценностей на задолженную сумму

плюс набежавшие проценты и проведение воспитательной беседы с нарушителем долговых обязательств. В общем, ничего оригинального – для Лингвиста, Тюнера и Кадила обычная рутина. Разве что нас слегка беспокоил живущий по соседству с Подвольским его взрослый сын – судя по слухам, тип довольно дерзкий и способный оказать незванным гостям активное сопротивление. Вступать в вооруженную конфронтацию нам было запрещено, и потому, отпустив такси, мы решили вначале осмотреться и только потом заглянуть к Адаму Адамовичу на огонек.

Отец и сын Подвольские обитали со своими семьями в двух однотипных коттеджах – пожалуй, самых шикарных в этом пригородном поселке. Впрочем, в данном случае определение «шикарный» следовало применять с поправкой на провинциальный уровень местной деловой элиты. Никаких видеокамер, мудреной сигнализации и частной охраны здесь не было в помине. Крепкие железные двери, решетки на окнах да свободно бегающий по ограде огромный доberman – иных мер безопасности Подвольские не предпринимали. Надо было полагать, что в их домах еще имелись ружья – как для популярной в этих краях охоты, так и против вторжения злоумышленников.

Долго маячить под носом у местных жителей нам было нельзя – они наверняка знали друг друга как облупленных и сразу обращали внимание на приезжих незнакомцев. На слежку и выработку плана вторжения у нас было ровно столько времени, сколько требовалось Кадилу для покупки в ближайшем супермаркете сигарет. Пока наш товарищ ходил с корзинкой по залу и делал вид, что изучает цены, я и Тюнер дожидались его неподалеку от кассы и наблюдали в окна магазина за интересующим нас объектом.

Подвольский-старший проживал в коттедже, что стоял ближе к лесу. Из приоткрытых ворот гаража выглядывала серебристая «корма» мощного внедорожника «Паджеро». Как раз на нем, согласно наведенным у Анчоуса справкам, и предпочитал ездить Адам, а значит, по всем предпосылкам, он должен был находиться дома. Автомобиля сына во дворе не наблюдалось, и это играло нам на руку. Если повезет, мы не задержимся у Подвольского дольше чем на четверть часа и благополучно отбудем из поселка еще до того, как Адам Адамович-младший возвратится из Горнилова.

Кадило рассчитался за сигареты, и мы, покинув наблюдательный пост, направились к усадьбе Подвольских. Действовать предстояло быстро и очень аккуратно. Любая заминка могла обернуться нежелательными последствиями и усугубить без того напряженную ситуацию.

Как мы уже поняли, выстраивать глухие заборы «а-ля кремлевская стена» в этом поселке было не принято. Не иначе, каждый из местных жителей считал за правило выставить на всеобщее обозрение какую-нибудь роскошную деталь собственной усадьбы: бассейн, экзотический садик, теплицу... Тоже своего рода традиция, которая в пригороде Калиногорска давно себя изжила, но в глубинке до сих пор процветала. У Адама такой «изюминкой» являлся фонтан: говоря начистоту, довольно безвкусное сооружение с писающими амурчиками, плачущими русалками и помпезным Нептуном, лицо коего живо напомнило мне лик незабвенного Фридриха Энгельса – очевидно, создатель скульптурной композиции обучался мастерству еще при советской власти. Подвольский, видимо, посчитал, что грех скрывать такой фонтан от людских глаз, и потому обнес свою усадьбу вычурной решетчатой оградой – высокой, но вполне преодолимой.

Мы надели перчатки и, не обращая внимания на натянутую поверх забора жилку колючей проволоки, по очереди перемахнули через препятствие там, где наше хулиганство было незаметно из окон дома. Чуткий доberman тут же наострил уши, засек вторжение и, оскалив пасть, с угрожающим рычанием устремился в нашу сторону. Храброе, но глупое животное, оно ведь не подозревало, что аккуратно для таких случаев Тюнер всегда держал при себе электрошокер...

Парадоксально, но Тюнер был единственный из нас, кто любил собак. Дома у него жила парочка бультерьеров – Гай и Ричи, – в которых наш товарищ просто души не чаял. Именно по этой причине он отвечал в нашей команде за нейтрализацию охранных собак, поскольку знал: если за это возьмемся я или Кадило, то мы их, скорее всего, прикончим. Тюнер, как собаковод, принципиально не мог допустить такого жестокого обращения с животными. Поэтому он предпочитал шарихать псов нелетальным зарядом электричества, чтобы вывести их из строя на некоторое время и не мучиться потом угрызениями совести. И это был тот самый Тюнер, который только на моей памяти совершил две «мокрухи»! Сколько живу на свете, до сих пор не перестаю удивляться человеческим странностям...

Угломнив добермана, мы, недолго думая, юркнули в приоткрытую дверь гаража. Оттуда, по всем признакам, можно было попасть прямо в дом, минуя крепко запертую парадную дверь. Порой просто диву даешься безалаберности некоторых непуганых граждан. Превратив дом в крепость, они легкомысленно полагали, что одно лишь наличие неприступной двери, злой собаки и оконных решеток способно отпугнуть недоброжелателей. Из-за своей беспочвенной уверенности эти наивные люди напрочь забывали об элементарных мерах безопасности и зачастую сами впускали к себе в дом злоумышленников.

Капот «Паджеро» был открыт, а из-под днища внедорожника торчала пара ног в замызганных штанинах. Динамики автомагнитолы буквально разрывались от громкой танцевальной музыки. Я еще снаружи узнал приторную и навязчивую, как жвачка, популярную песенку местной эстрадной певички Леноры Фрюлинг – «Леша, Леша, ты хороший, значит, я – не для тебя!..». Хит этот устарел как минимум на год, и сегодня почитатели несравненной Леноры распевали на всех углах другую ее песню: «Мы с тобой бежим по лужам, выбросив промокший зонт. Нам никто сейчас не нужен – мы бежим за горизонт...» Впрочем, ничего удивительного в поклонении таланту госпожи Фрюлинг, чьими афишами также пестрели улочки райцентра, в здешних краях не было. Лично я безмерно бы удивился, если бы вдруг услышал в Горнилове звучащую на всю катушку, к примеру, нетленную «Smoke on the water». Но подобные чудеса в этой глуши были маловероятны.

Кадило ухватил автомеханика за лодыжку и бесцеремонно вытащил его из-под внедорожника. Вид трех угрюмых мордovorотов в строгих костюмах и кожаных перчатках поверг беднягу в сильное смятение. Он вытаращился на нас так, словно решил, что мы явились сюда по его душу. Тюнер от греха подальше вырвал у слесаря из рук отвертку, а затем вежливо поинтересовался, дома ли хозяин и его супруга. Испуганный механик подтвердил это лаконичным «угу». Большого нам от него не требовалось, разве только чтобы он сидел и помалкивал у себя в каптерке, где мы заперли его на найденный тут же навесной замок. Сбежать из лишенной окон комнатухи механик не мог, вызвать милицию тоже, поскольку мобильник мы у него, естественно, отобрали...

Кажется, кто-то из великих полководцев сказал, что по какому бы сценарию ни начиналась битва, вскоре она так или иначе превращается в обычное побоище, где решающую роль играет уже не мастерство полководца, а стойкость и сила духа простого солдата. Конечно, наше вторжение к Адаму Подвольскому нельзя было считать битвой, но подмеченная древними стратегами закономерность проявилась и здесь.

Помимо Адама и его жены, в доме еще находилась их пятнадцатилетняя внучка. Несмотря на нашу осторожность, кто-то из домочадцев заметил, как мы проникли в гараж, и поднял тревогу. Мы слышали суету, топот и крики, едва вошли в дом с черного хода, после чего быстро смекнули, чем вызвана паника, и взялись за привычную нам работу.

Сегодня мои надежды остаться чистеньким не сбылись. Послав напарников в погоню за женщинами, которые уже со всех ног бежали к парадной двери, я бросился по лестнице на второй этаж, откуда доносились надрывные крики Подвольского, подгонявшего жену и внучку

к выходу. Раз уж сам Адам не пустился наутек, следовательно, о бегстве он не помышлял. Но я предвидел подобный исход: вряд ли человек, чьего сына нам было велено остерегаться, окажется из робкого десятка – яблоки от яблони недалеко падают.

Так оно и вышло. Когда я ворвался в комнату, откуда раздавались крики – как выяснилось, это был служебный кабинет хозяина, – Подвольский не забился испуганно в угол, а вел себя так, как и подобает отцу семейства при угрозе его близким. Адам не переставая кричал жене и внучке, чтобы те убегали из дома и вызвали милицию, при этом в левой руке Адама находился мобильник, а в правой – ключ, что отпирал оружейный сейф (о содержимом сейфа я догадался по его характерной форме – в таких несгораемых шкафах-башнях удобно держать в собранном виде охотничьи ружья). Однако о хваленной координации Юлия Цезаря Подвольскому приходилось лишь мечтать. Делать два дела одновременно, да еще в жуткой спешке, Адаму Адамовичу было не по силам. Его дрожащие пальцы напрочь отказывались набирать телефонный номер и попадать ключом в замочную скважину сейфа. От этого перепуганный хозяин нервничал еще сильнее, что ему отнюдь не помогало, а только вредило.

Завидев врага на пороге кабинета, вконец ошалелый Адам метнул в меня сначала мобильник, затем – связку ключей, а после с отчаянным воплем кинулся врукопашную. Я мигом обуздал пожилого противника легкой зуботычиной, от которой тот растянулся на полу и уже не пытался сопротивляться. На этом весь боевой пыл старика и иссяк.

– Спокойно, Подвольский! – приказал я, приперев хозяина коленом к полу и прислушиваясь к тому, что происходит в коридоре у парадной двери. Женщины продолжали кричать – стало быть, вырваться из дома и скрыться от Тюнера и Кадила им не удалось. – Никто не собирается тебя убивать! Сначала ты отдашь нам все, что задолжал «Алмазной Бригантине», потом мы уйдем, а ты продолжишь нянчиться с внуками. Пять минут, и ты свободен. Как видишь, все элементарно. Вставай!

Я ухватил Адама за шкирку, помог ему таким образом подняться на ноги и толкнул его в ближайшее кресло. Подвольский вжал голову в плечи и закрылся ладонями – явно ожидал, что сейчас его начнут бить. Но я не был настолько разозлен, чтобы дубасить его почем зря. Начнет упорствовать, тогда поглядим, а пока пусть свыкнется с тем положением, в какое он угодил из-за собственного упрямства.

– Христом богом прошу: только не трогайте Алису и Верочку! – взмолился Адам, так и не ощутив на своей шее мою карающую длань. – Ведь вы же люди, в конце концов!..

– Заткнись! – бросил в ответ я. – Если Алиса и Верочка пострадают, виноват в этом будешь только ты! Усвоил?.. А теперь говори, где деньги, которые ты обязан был вернуть известным тебе людям еще неделю назад?

Адам хотел что-то ответить, но в этот момент Тюнер и Кадило ввели в кабинет жену и внучку Подвольского. С женщинами все было в порядке. Теперь они помалкивали – когда требовалось, мои напарники могли быть достаточно убедительными, – лишь жались друг к другу да поглядывали на дедушку. В данную минуту он совершенно не походил на самоуверенного делового человека, а напоминал именно того, кем он для нас и являлся, – проштрафившегося должника, жизнь которого теперь целиком и полностью зависела от его кредиторов.

Усадив Алису и Верочку на диван, мои напарники встали возле них, прозрачно намекая хозяину, чем он рискует в случае упрямства или сопротивления. Щека Тюнера была расцарапана – по всей видимости, бабушка пыталась защитить внучку от грязных лап ворвавшихся в дом злодеев. Тюнер, как человек выдержанный, оставил этот жест неповиновения без ответа. Хотя будь мой напарник помоложе и погорячее, под глазом Алисы сейчас непременно красовался бы синяк.

– Скажите, вы ведь работаете на... – осведомился Подвольский, назвав Бурелома его настоящим именем.

– Это не имеет значения, – отрезал я и напомнил: – Кажется, я задал тебе вопрос! Не вынуждай меня повторяться!

– Да, вы, безусловно, *его* ребята, – уверенно заключил Адам и обратился к жене: – Не бойся, дорогая, прошу тебя, и успокой Верочку. Эти парни – не насильники, они – люди с понятиями. Клянусь, вам ничего не грозит!

– Мерзавец! – гневно зашипела на него Алиса, обнимая и прижимая к себе плачущую внучку. – Сколько раз тебе твердила: Адам, не связывайся с бандитами, помни о семье! Доигрался?!

– Прошу прощения, господа Подвольские! – Мне пришлось повысить голос, поскольку в третий раз напоминать о заданном вопросе было бы уже чересчур. – Между собой разберетесь позже! Да, Адам, ты прав: мы не насильники! Но если ты начнешь тянуть резину, я могу и отступить от своих понятий!

– Тех денег, что я проиграл «Бригантине», ни у меня, ни у сына сейчас нет, – потупив взор, признался должник. – Все, что я успел собрать, – в том сейфе. – Адам кивнул на встроенный в шкаф, выкрашенный под дерево стальной контейнер. – Ключи – вон они, на полу.

Я поднял связку ключей, что чуть было не прилетела мне в лоб пару минут назад, выбрал с подсказки Подвольского нужный и открыл хранилище хозяина. На верхней полочке сейфа лежали какие-то бумаги, а нижняя была забита тугими пачками банкнот. Я вытащил их на стол, пересчитал и понял, что нам была выдана только треть от задолженной суммы.

– Берите в этом доме все, что угодно, и уходите. Здесь достаточно ценностей, чтобы покрыть недостачу, – обреченно вымолвил Подвольский. Он продолжал пялиться в пол, не желая встречаться взглядами ни со мной, ни с Алисой, смотревшей сейчас на мужа как на полное ничтожество. Лишь на мгновение он поднял глаза, но посмотрел почему-то не на нас, а на висевшую в углу картину. Я перехватил взгляд Подвольского и взглянул туда же.

В живописи я профан, поэтому и не смог определить, что за абстракция изображена на картине. По-моему, так обычная мазня красками, не более. Этот авангардный жанр являлся для меня еще более непонятным, чем творчество Пикассо, казавшееся мне откровенно наркотическим бредом. Судя по скромной деревянной раме, ценность картины могла быть невысокой. Однако в данном вопросе я уже кое-что смыслил и знал: нельзя судить о стоимости вещи по ее упаковке. Хитрый Адам мог нарочно упрятать бесценный шедевр в убогую раму, дабы такие далекие от искусства люди, как мы, не обратили на картину внимание. Что и впрямь случилось бы, проигнорируй я обеспокоенный взгляд хозяина в том направлении.

Велев Тюнеру собрать деньги в атташе-кейс, я подошел к картине, следя при этом краем глаза за реакцией Подвольского. Предчувствия меня не обманули. Заметив, куда я подался, Адам заерзал и начал в свою очередь пристально, исподлобья, наблюдать за мной. Я многозначительно прищурился: Бурелом тоже питал страсть к живописи, и, если вдруг выяснится, что мы приволокли ему действительно ценную картину, нас с напарниками ожидала солидная награда. А Подвольского, разумеется, полное прощение и, возможно, даже открытие нового кредита в «Алмазной Бригантине»; конечно, далеко не такого щедрого, как прежний, но для заядлого игрока и эта подачка что манна небесная...

– Прошу вас, забирайте все, что угодно, только не трогайте это! – не сдержался-таки Адам, когда я протянул руки, чтобы взять картину со стены. «Хорошо, что она не слишком громоздкая, – удовлетворенно отметил я про себя. – Завернем в газету, сунем в большой полиэтиленовый пакет, и никаких подозрений...» – Эта картина – наша семейная реликвия! Она очень много для нас значит! К тому же вам не выручить за нее и сотни баксов – в свое время я купил ее на Арбате у обычного уличного художника.

– Моя прелесть! – поддразнил Кадило хозяина скрипучим голосом киношного Горлума. – Оставьте в покое мою прелесть!..

– И почему я тебе не верю, Адам? – хмыкнул я, не реагируя на просьбы (надо заметить, что звучали они все же искренне) и снимая картину с гвоздя...

Врал нам Подвольский насчет «семейной реликвии» или нет, неизвестно. Но едва она очутилась у меня в руках, я сразу же про нее забыл, поскольку наткнулся на нечто, гораздо более любопытное.

В стене за картиной обнаружился еще один сейф. Габариты его были намного меньше, чем у того, который мы уже выпотрошили. Зато качество исполнения и, главное, кодовый замок на вмурованном в кирпичную кладку контейнере соответствовали, пожалуй, даже стандартам швейцарского банка. И если первый, открытый нами сейф был скорее похож на обычный конторский несгораемый шкаф, то на хромированном «лбу» этого красовался авторитетный логотип «Burg».

Я удивленно вскинул брови: заплаченная Подвольским цена за эту фирменную «коробочку» была почти равнозначна той сумме, что уже лежала у нас в кейсе. Что же такое ценное хранил в тайнике Адам, раз не поспешил приобрести для этой вещи столь дорогостоящую камеру хранения?

Разумеется, фамильные драгоценности, что же еще!

– Тю-у-у! – присвистнул Тюнер. Таким лаконичным образом он выражал практически все свои чувства, за что и получил от Бурелома свое «техногенное погоняло». Разнилась только интонация, с какой напарник произносил свое «тю» в том или ином случае. – Бьюсь об заклад, этот ящик стоит дороже, чем мой «Фольксваген»! И кто же в том теремочке живет, Адам?

– А ты, оказывается, скрытный человек, Адамыч! Как некрасиво с твоей стороны иметь секреты от лучших друзей, – пожурил хозяина Кадило. Он заработал свое прозвище за то, что после пережитого удара ломом по голове страдал уникальным нервным расстройством. Во время курения рука Кадило начинала ни с того ни с сего ходить ходуном – так, будто он постоянно обжигал сигаретой пальцы и тряс кистью, чтобы унять боль. Самое удивительное, что в остальное время руки Кадило не дрожали, даже когда он пребывал в ярости или изрядном подпитии.

– Какой шифр? – спросил я. Подвольский мелко задрожал и в отчаянии закрыл лицо ладонями, но на вопрос не ответил. Это мне здорово не понравилось. До сего момента Адам вел себя вполне покладисто, и я рассчитывал, что наша встреча на такой же мирной ноте и завершится.

– Подвольский! Какой! Здесь! Шифр? – четко, с расстановкой повторил я. Всегда считал, что глухим по два раза обедню не служат, и когда мне порой приходилось отступать от этого принципа, я начинал выходить из себя. А это было уже нехорошо. «Не по понятиям», как сказал бы Адам; небось от сына этих заразных модных словечек нахватался.

Адам задрожал сильнее и вдобавок начал жалобно поскуливать. Я огорченно поморщился: неохота было прибегать к насилию, но клиент сам вынуждал нас идти на непопулярные меры. Тюнер и Кадило уже вопросительно смотрели на меня в ожидании сигнала, по которому им полагалось менять милость на гнев. Я не стал больше церемониться с заартачившимся Подвольским и кивнул напарникам: приступайте.

Тюнер ухватил Адама за подбородок и откинул ему голову назад, чтобы он узрел собственными глазами, во что вылилось его упрямство. Кадило аналогичным образом поступил с Алисой. Я же извлек на виду у хозяина из кармана опасную бритву, раскрыл ее и, не реагируя на раздавшиеся в кабинете вопли, направился к Верочке. Девчонка завизжала, дедушка и бабушка начали вырываться, но мои напарники отлично знали свое дело и не позволили Подвольским броситься на помощь внучке.

Я отмахнулся от крашенных ногтей Верочки – если бы не перчатки, производственная травма, как у Тюнера, мне была бы обеспечена – и, поймав девчонку за волосы, срезал ей под корень локон – аккурат тот, что был выкрашен по моде в ядовито-лиловый цвет. Подвольские

в этот момент уже бились в истерике, а Адам голосил: «Я скажу код, скажу, скажу! Только не это!» Но я все равно довел дело до конца и спрятал бритву лишь после того, как бросил отрезанный локон внучки на колени бабушке...

«Чистоплюйство!» – презрительно цыкнули бы некоторые мои знакомые, кто в подобной ситуации преподнес бы несговорчивой жертве ухо или палец кого-либо из ее близких.

Не стану отрицать: да, именно чистоплюйство. Однако не сломайся Подвольский после этой недвусмысленной демонстрации и не выдай мне шифр, он непременно увидел бы рядом с локоном Верочки парочку ее холеных ноготков. А затем, не исключено, и пальчиков... Но как я уже упоминал, в финале битвы решающую роль играет не гений полководца, а решительность и стойкость простого солдата. Адам обязан был уяснить, что в нашем с ним противостоянии я готов вырвать у него победу любой ценой. Таковы правила этого бизнеса. Проклятого, грязного и давно опостылевшего мне бизнеса. Но пока я продолжал вариться в нем, мне следовало неукоснительно соблюдать его законы. Мягкотелые здесь не выживают. Сколько на моей памяти сломавшихся на этой работе мытарей слегло в могилу – пожалуй, и не сосчитать...

Пока я возился с кодовым замком сейфа, истерика в кабинете улеглась, хотя женщины все еще продолжали плакать. Алиса утешала до смерти перепуганную внучку, а Адам сидел с окаменевшим лицом и тупо пялился в стену перед собой. Мне даже грешным делом почудилось, что после всего пережитого хозяина хватил инфаркт и Подвольский решил вот так, потихому, отойти в мир иной. Но нет, грудь Адама вздымалась часто и ровно, а значит, он был жив и всего-навсего впал в протрацию. Ничего, оклемается... Как хотелось надеяться.

Секретное хранилище не пустовало, в чем я, собственно говоря, и не сомневался – стоило ли Адаму так убиваться из-за пустого сейфа? Но в нем оказались вовсе не драгоценные побрякушки и не деньги, что, несомненно, явилось бы для нас идеальным вариантом. Внутри тесной – чуть побольше автомобильного бардачка – камеры находился один-единственный предмет, который мне удалось отчетливо рассмотреть лишь после того, как он был извлечен на свет.

Что я рассчитывал увидеть в тайнике Подвольского, но только не уменьшенную копию армиллы – старинного астрономического инструмента. Он напоминал по устройству глобус, где вместо модели земного шара вращалось под разными углами несколько колец, символизирующих различные круги небесной сферы. Изображение этих приборов можно часто встретить на средневековых гравюрах, на которых армиллы являлись неотъемлемыми атрибутами всяческих обсерваторий, лабораторий, ученых палат и прочих заведений, где когда-то прорастали семена всех современных наук. Правда, те армиллы были весьма громоздкими, а наиболее крупное кольцо этой имело диаметр зрелого грейпфрута. Сама же она чем-то походила на недоделанный маракас.

Но так казалось только издали и в полумраке. Вблизи и на свету вытащенный из сейфа прибор производил довольно сильное впечатление. Во-первых, он был целиком сделан из золота и весил, по приблизительным прикидкам, около двух килограммов. Во-вторых, каждый из ползунков, что фиксировались на выгравированных по кольцам координатах, каждое круглое число на измерительных шкалах и головка каждого болтика были украшены драгоценными камнями. Из-за них армилла сверкала и переливалась всеми цветами радуги, почти как императорская корона.

До сего момента мне не доводилось держать в руках настолько драгоценный предмет. Я схватил армиллу за подставку и словно замороженный смотрел на нее, будучи не в силах поверить, что вижу наяву такое великолепие. Поэтому и не сразу сообразил, о чем толкует мне Кадило. А когда сообразил, то впал в немалое замешательство, поскольку решил, что напарник рехнулся. А как еще, по-вашему, следовало реагировать на его заявление?..

«Тут и начались его невероятные приключения!» – написал бы о данной переломной минуте моей жизни какой-нибудь выдумщик-фантаст. И впрямь, разве можно считать при-

ключением нашу поездку в Горнилово, слежку за домом Подвольских, вторжение к ним и этот грубый шантаж с размахиванием опасной бритвой? Конечно, нет. Так, будничная работенка для подручных Бурелома – в меру рискованная и не особо сложная. Поэтому, если вести речь об отправной точке моих дальнейших походов, она будет находиться именно здесь – перед раскрытым тайником Адама Адамовича. А в качестве напутственных слов придется занести в путевой журнал замечание моего напарника Кадила. То самое замечание, после которого я впервые заподозрил, что вляпался во что-то сверхъестественное...

– Шикарный кинжал! – воскликнул Кадило, как и я, пораженный нашей добычей. – Е-мое, да из него только одних стекляшек со стакан наковырять можно! Эй, а ножен от этого пера там, в сейфе, не завалилось?

Я нахмурил брови, обернулся и в недоумении уставился на товарища, пытаюсь сообразить, о каком кинжале он толкует.

– Тю-у-у-у! Да ты чего городишь! – Тюнер тоже был восхищен находкой, однако и его немало озадачило заявление Кадила. – Какой, черт тебя дери, кинжал? Совсем ослеп, что ли? Или обкурился? Это ж надо отчебучить: царский кубок с ножом перепутать! – И обратился ко мне: – Нет, ты слышал?

– Слышал... – пробормотал я, ошарашенно рассматривая армиллу со всех сторон. Сказать, что при этом я чувствовал себя идиотом, означало дать очень мягкую характеристику моего состояния на тот момент.

– Какой кубок?! – возмутился Кадило и тоже попытался призвать меня в свидетели: – Босс, ну-ка, скажи, кто тут из нас двоих обкуранный!

Кинжал, кубок... Я допускал, что Кадилу и Тюнеру наверняка неизвестно название старинного астрономического инструмента. Но ведь они не спросили меня, как самого образованного из нас троих, что за хренотень я достал из сейфа. Каждый из напарников увидел в ней конкретный предмет, причем даже близко непохожий на армиллу.

У кого-то из нас явные галлюцинации, оставалось лишь выяснить, у кого именно. Однако инстинкт самосохранения своевременно напомнил мне, где мы находимся, и потому я не стал вступать в бесполезный спор с товарищами («Обдолбанные придурки!» – первое, что подумал я о них, хотя отлично знал: мои напарники никогда не ходили на дело под кайфом). Окончательно прояснить картину мог только владелец странной армиллы, который вышел из прострации и теперь следил за мной с такой обреченной тоской, будто я пообещал его казнить.

– Что это такое, Подвольский? И где ты раздобыл эту вещицу? – спросил я, передав добычу Кадилу. Он тут же схватил ее за стойку, как за рукоять, и аккуратно провел пальцем по кромке одного из колец. «О господи! – мысленно взмолился я. – Да ведь этот кретин проверяет остроту своего «кинжала»! Неужели и впрямь все настолько дерьмово и у кого-то из нас напрочь съехала крыша?»

Тюнер указал мне глазами на Кадила и поцокал языком: дескать, если хочешь взглянуть на идиота, гляди, пока есть возможность. Я нервно стиснул зубы и, не желая смотреть на это безумие, отвернулся к Подвольскому.

– А что сейчас видите лично вы? – переспросил Адам. На губах его промелькнула робкая мимолетная ухмылка. Несмотря на то что Подвольский сидел перед нами как в воду опущенный, он нашел в себе силы оценить абсурдность ситуации.

– Здесь мы задаем вопросы, Адам! – рявкнул я.

Хозяин вздрогнул, испуганно заморгал и поспешно ответил:

– Поверьте, я понятия не имею, что это. Оно досталось мне от отца, тому – от деда, а деду якобы от прадеда. Отец говорил, что этой вещи не одна сотня лет, а возможно, даже тысячелетий. И все это время она переходила в нашем роду из поколения в поколение. Когда-нибудь я тоже передам ее своему сыну, а он – как и полагается, дальше. Так уж заведено, и мы

никоим образом не должны нарушать многовековую традицию. Отец предупреждал, что, если я утрачу нашу реликвию, это может повлечь за собой множество бед...

– Поздно беспокоиться о бедах, когда они уже нагрянули, – усмехнулся я. – Надо было тебе, Адам, получше припрятывать свое антикварное барахлишко. Или не засиживаться в казино по ночам. В твоём-то возрасте и не знать, чем опасен неконтролируемый азарт?

Теперь Алиса глядела на мужа так, словно видела его впервые в жизни. Даже внучка прекратила плакать и, шмыгая носом, посматривала то на дедушку, то на их фамильную реликвию, факт существования которой всплыл на поверхность при столь драматичных обстоятельствах. Армилла уже перешла к Тюнеру, чуть ли не силой отобравшему ее у Кадила. Напарники недоверчиво косились друг на друга, но спорить прекратили. Хотя в иной обстановке, я уверен, драли бы глотки до хрипоты.

Я отметил, что Подвольский упорно не называл нашу находку каким-либо именем: ни армиллой, ни кинжалом, ни кубком. Он был явно в курсе странного свойства реликвии, но по какой-то причине не желал на нем заостряться. Впрочем, не исключено, что Адам сам не знал природу этого аномального явления.

Я не верил в сверхъестественное. В каком бы облике ни видели Тюнер, Кадио и я эту вещицу, все мы единодушно сходились во мнении, что перед нами – весьма дорогая антикварная вещь. Реквизированные деньги и драгоценная армилла полностью покрывали задолженность Подвольского и все набежавшие по ней проценты, а мы сэкономили массу времени, поскольку избавлялись от необходимости обыскивать дом. Захочет Адам вернуть себе фамильную святыню – пусть договаривается с владельцами «Алмазной Бригантины» и выкупает армиллу (или чем она ему там казалась?) за деньги или посредством иной, приемлемой для Бурелома формы оплаты. А Лингвист свою работу выполнил: взыскал долг с Подвольского и провел с ним разъяснительную беседу.

Я подал напарникам знак закругляться, после чего забрал у Тюнера «кубок» и засунул его в кейс, аккуратно обложив реликвию со всех сторон пачками банкнот, дабы не повредилась в пути при тряске.

– Умоляю, парни: дайте мне поговорить с вашим хозяином! – Мой поступок привел Адама в ужас. Казалось, он только теперь осознал, что злодеи из города пришли к нему не шутки шутить и не пугать, а на полном серьезе изымать нажитое непосильным трудом имущество. – Я все ему объясню, и он войдет в мое положение, клянусь! Забирайте машину, забирайте дом, но только оставьте мне мою память об отце! Ради Христа, ради ваших матерей, ради всего святого, не делайте этого!.. Какой номер телефона у директора «Бригантины»?

Похоже, Кадио прав: на примере Подвольского мы и впрямь наблюдали сейчас «синдром Горлума». Впрочем, разве нам было привыкать к мольбам и стенаниям? С чего Адам вообще взял, что мы способны на сочувствие? Неужели прочел это в наших глазах? Самоуверенный человек. Что ж, значит, раньше он попросту не попадал в такие некрасивые истории и не встречался с подобными нам душегубами.

– Ты что, решил ограничиться телефонными извинениями? – вновь разозлился я. – Приедешь завтра в Калиногорск и лично побеседуешь с каждым из тех людей, чьим уважением и дружбой ты пренебрег. Возможно, тебе повезет, и ты получишь назад свое бриллиантовое «пресс-папье». Только советую просить очень убедительно. А иначе может случиться так, что этот наш разговор окажется не последним...

Глава 2

Да, давненько нам не приходилось выбираться по работе в такую даль. Поездка на поезде от краевого центра до Горнилова занимала ни много ни мало почти двенадцать часов. Я почему-то с детства терпеть не мог железнодорожные путешествия и потому, пока мы ехали в райцентр, успел не раз мысленно обругать тех горе-открывателей, которые давным-давно прокладывали границы нашего края. Хапуги – другой характеристики эти люди не заслуживали. Взяли бы и оставили часть земли соседям – чай, все же не за граница. Но нет, застолбили за собой всю территорию, до которой только дотянулись их загибающие руки. А теперь мы с напарниками болтаемся туда-сюда на поезде целые сутки – более беспорядочного времяпрепровождения было не сыскать.

Можно было, конечно, махнуть в Горнилово и на машине. Но, как назло, я буквально на днях продал свой старенький «Ниссан Патрол», а новый внедорожник приобрести не успел. Тюнер же и Кадило наотрез отказывались гнать по колдобинам за тридевять земель свои спортивные «Фольксваген» и «Мицубиси». Понабрали, пижоны, модных тачек, которые даже трамвайный рельс не могут переехать, чтобы днищем его не зацепить!

Взяв билеты в удобный спальный вагон – благо в октябре это можно было сделать без проблем в любое время, – мы до самого отправления сидели начеку, опасаясь, как бы горячий сынок Подвольского не пустился за нами в погоню. Всякое могло взбрыкнуть в голову озверелому папаше, чьим близким угрожали расправой три заезжих негодяя. А если вдобавок Адам-младший узнает об утраченной семейной реликвии... В общем, мы готовились к любым неожиданностям, разве что были относительно спокойны насчет милиции. Подключив ее к нашим поискам, Подвольские рисковали гораздо сильнее, чем мы, и уже завтра им пришлось бы принимать у себя куда более несговорчивых гостей из Калиногорска.

Поэтому, когда поезд наконец-то тронулся, мы позволили себе расслабиться. Разумеется, не по полной – как-никак важный груз везем, – но пропустить по стаканчику-другому за бескровное дело было отнюдь не зазорно. Чем мы и занялись, как только огни Горнилова скрылись из виду.

Экспресс стрелой летел через окутанные мраком лесистые нагорья – преобладающий ландшафт нашего, так сказать, бескрайнего края, – вагон лениво покачивался на стрелках, и уже завтра к полудню, по всем предпосылкам, мы должны были рапортовать Бурелому об успехах.

Эта поездка доставила мне куда больше удовольствия, чем предыдущая. И не только потому, что мы возвращались домой с чувством исполненного долга, но еще и из-за нашего сегодняшнего проводника. К моему удивлению, им оказалась не миловидная девушка, а убежденный сединой, полноватый, но весьма энергичный старик по имени Пантелей Иванович.

То, что Пантелей Иваныч – неординарная личность, можно было догадаться не только по выбранной им профессии. К таким, как он, уже не вязались унижительные определения «старикашка», «хрыч» и «старый пердун». Натурально дворянское благородство, с которым держался дядя Пантелей – так уважительно назвал его Кадило при первой встрече, – было вовсе не напускным, а являлось естественной чертой характера Иваныча. Наверняка в его жилах текла изрядная доля голубой крови, а в родословной фигурировали какие-нибудь князья или придворные. Нечасто в наше время встречаются такие «породистые» старики, в присутствии которых ты поневоле начинаешь избегать ругательств и умерять собственный гонор.

Выпить с нами за компанию дядя Пантелей, естественно, отказался. Продемонстрировав, где находится кнопка вызова проводника, он настоятельно попросил не шуметь, поскольку в купе по соседству ехала некая благородная дама – именно так Иваныч ее и охарактеризовал. Получи мы подобное предупреждение от девушки-проводницы, Тюнер непременно выдал бы

ей в ответ какой-нибудь язвительный комментарий, но с Иванычем мой не слишком церемонный напарник согласился сразу:

– Базара нет, дядя Пантелей. Молчим, как Бетховен.

Когда же проводник уточнил, что Бетховен вообще-то был глух, а отнюдь не нем, Тюнер только пожал плечами и заметил, что он окончил музыкальную школу десять лет назад и потому напрочь позабыл, кто из великих композиторов какими недугами страдал...

Воистину грозная сила сокрыта в тех людях, кто обладает подлинным, а не наигранным достоинством. Даже я не заставил бы Тюнера стать таким шелковым, каким сделал его дядя Пантелей одной своей вежливой просьбой.

После ухода проводника разговор сразу перешел к событиям минувшего дня. А конкретно, к тому престранному случаю, когда мои напарники (и я вместе с ними – только негласно) разошлись во мнении по совершенно идиотскому поводу: спутали между собой две такие элементарные вещи, как кинжал и кубок. Истину решили выяснить практическим путем, ради чего я был вынужден извлечь из кейса злополучную армиллу.

Лучше бы я этого не делал, а настоял на том, чтобы судьей в нашем споре выступил непосредственно Бурелом. Едва армилла появилась на столе, как дискуссия разгорелась с новой силой и уже не такой сдержанной, как в доме Подвольского.

Я до последнего надеялся, что вот теперь все точно встанет на свои места и мы трое увидим то, что и должны были видеть: маленькую армиллу. Или кинжал. Или кубок. Мне было совершенно неважно, что именно появится пред нами. Главное, чтобы сейчас мы сошлись во мнении, а произошедший в Горнилове курьез запомнили в качестве занятой профессиональной байки. Но Бог не расслышал моей просьбы. И неудивительно, ведь Глебу Свекольникову пришлось совершить сегодня столько грехов, сколько иные грешники не совершают и за всю свою жизнь.

Кинжал и кубок... Подходящее название для новеллы, вроде «Колодец и маятник»! И сюжет для нее прямо-таки мистический наклеивается. Вот только чем завершится эта загадочная история? Пока что у нее в финале назревал лишь мордобой.

Как и прежде, Тюнер видел в добыче царский кубок, Кадило – инкрустированный бриллиантами кинжал, а я, соответственно, драгоценную армиллу. Первый спорщик брал ее за подставку, совал пальцы внутрь измерительных колец и уверял, что именно сюда прикасались уста древних царей, пивших из сего кубка прекрасные вина. Оппонент отбирал у «знатока» предмет спора и начинал размахивать им перед собой, словно фехтовальщик. При этом Кадило рьяно уверял нас, что, вероятно, именно этим кинжалом древнеримский сенатор-мокрушник Брут замочил своего кореша Цезаря. Так что, если взять на веру рассказ Подвольского о родовой традиции, Адам запросто мог считаться потомком того самого легендарного предателя, чье имя давно стало нарицательным.

– Когда я к Адамычу спиной поворачивался, только и ждал, что он на меня набросится! – аргументировал Кадило свою правоту. – И набросился бы рано или поздно, коли уж у него в крови плавают эти тухлые гены!

Внезапно до обоих дошло, что, призывая меня в свидетели, они так до сих пор и не позволили мне высказаться. Я не стал скрывать, что вижу перед собой ни то и ни другое, но настаивать на собственной правоте отказался. Я уже понял: мы столкнулись не с обычным оптическим обманом, а с настоящим визуальным парадоксом – редчайшим явлением, которые, однако, имели место в мире. И раз так, значит, разгадывать этот парадокс следовало с учетом того, что любой из нас может ошибаться. А не исключено, что ошибаемся все мы вместе. Ведь сколько было разбито ученых лбов в жарких дискуссиях по поводу тех же таинственных кругов на полях, а что толку? Круги продолжают появляться, ученые – строить гипотезы о природе данной аномалии, а бедолаги-фермеры – подсчитывать убытки да костерить инопланетян, чьи

передовые технологии по неведомой причине направлены только на то, чтобы пакостить человечеству, а не помогать ему достичь вершин научно-технического прогресса.

– Дурдом! – резюмировал Кадило.

– Полная клиника! – поддакнул Тюнер.

Я облегченно вздохнул: ну вот и долгожданный консенсус. Пусть пока еще зыбкий, но по крайней мере о мордобое можно больше не переживать. Напарники включили-таки свою логику, что мне иногда приходилось делать им в принудительном порядке.

Жаль, нельзя было привлечь к обсуждению нашей проблемы сторонних консультантов – дядю Пантелея и благородную даму из соседнего купе. Хотелось бы услышать, что сказали бы они насчет имевшейся у нас реликвии. Я бы нисколько не удивился, покажись она проводнику, к примеру, скипетром, а даме – какой-нибудь ажурной вазочкой.

Упрятав добычу обратно в кейс, мы допили бутылку водки, после чего наши планы на вечер разошлись. Напарники выразили желание прогуляться до вагона-ресторана и культурно посидеть там часик-полтора. Я был не прочь составить им компанию, но суетливый день и загадка тайны династии Подвольских вымотали меня до предела. Единственным моим желанием сейчас было помыться, побриться и отоспаться за остаток дороги на сутки вперед. Вдобавок чистый воздух окруженного тайгой Горнилова подействовал на меня не хуже успокоительного лекарства, передозировка коего также сказала на моей сонливости.

Кадило с сочувствием заметил, что за последние годы я стал все чаще избегать разного рода увеселительных мероприятий. По мнению товарища, виной этому была банальная старость, к порогу которой Лингвист постепенно приближался. Тюнер – из нас троих он являлся самым молодым – сказал, что все это – брехня, поскольку его дедушка якобы аж до восьмидесяти лет ежедневно пил горькую и был в состоянии «кинуть палку». Что и позволяло ему до самой смерти жить припеваючи за счет охочих до ласк деревенских баб. Кадило возразил, что старение – процесс сугубо индивидуальный и что одним великовозрастным сумасбродам идет на пользу, другим может стать во вред. Поэтому, раз уж Глеб Матвеевич предпочитает встретить старость в ипостаси угрюмого монаха-отшельника, то флаг ему в руки и пусть просыпает последние мгновения уходящей молодости. Тюнер не нашел, чем возразить, и просто махнул рукой: пошли, мол, отсюда, Кадило; чего время терять, втолковывая этому зануде элементарные вещи, о которых он и без нас знает...

Таковыми я и запомнил моих напарников: ворчащими и уходящими от меня по коридору в сторону вагона-ресторана... При всех своих грехах это были действительно неплохие ребята. Я даже втайне гордился тем, что мне довелось стать для них наставником. Примерно таким, каким стал для меня в свое время Бурелом. Возможно, дожив до моих лет, Тюнер и Кадило тоже проклянут эту работу и начнут подумывать о том, чтобы порвать с ней. Порвут или нет, сказать было трудно, ведь я не мог уверенно ответить на этот вопрос даже в отношении себя. В мою жизнь беспардонно вмешался злой рок, круто и навсегда изменивший ее течение. Но кое в чем мне все же повезло: на этом проклятом пути я обрел себе новых товарищей, пусть далеко не таких боевых, зато не менее надежных и верных...

Сон, что искушал меня весь вечер, вдруг куда-то пропал. Минут сорок проворочавшись на кушетке, которая хоть и была мягче обычной вагонной полки, а все равно казалась мне неудобной, я утратил все надежды заснуть и уже собрался идти к товарищам в ресторан, как вдруг заметил, что я в купе не один. Помимо кушеток, в нашем спальном люксе имелась также пара кресел. И когда я в очередной раз – теперь уже окончательно – открыл глаза, то сразу засек в ближайшем ко мне кресле человека.

Перед тем как лечь спать, я предпринял все необходимые меры безопасности: положил драгоценный кейс в камеру под своей кушеткой, заблокировал дверь и сунул под подушку взведенный «зиг-зауэр». Спальные вагоны всегда особо привлекали воров, налетчиков и махи-

наторов всех мастей, ибо народ здесь путешествует исключительно денежный. Поэтому по-настоящему доверять мне приходилось лишь собственному чутью и пистолету. Блокиратор на двери только внешне выглядел надежным. Профессионального вагонного вора такие препоны беспокоили меньше, чем нас с напарниками – газовые баллончики, из каких порой брызгали нам в лица отдельные строптивые клиенты.

Можно было поклясться, что еще пару минут назад в купе никого не наблюдалось. Посторонний имел шанс проникнуть незамеченным через дверь, если бы в этот момент я спал. Но я ворочался с боку на бок без сна и прекрасно слышал все, что творилось вокруг. Да и купейная дверь открывалась не настолько беззвучно, чтобы мне не уловить ее скрипа. Значит, незванный визитер очутился тут иным манером – вероятно, тихой сапой пролез через какой-нибудь технический люк в туалетной комнате.

Недолго думая, я выхватил из-под подушки пистолет и нацелил его на незнакомца. Стрелять, разумеется, не стал – гость вальяжно развалился в кресле и не проявлял пока никакой агрессии. И хотя, по моим понятиям, столь вопиющая наглость не должна была оставаться безнаказанной («Кто бы возмущался!» – скажете вы и будете, естественно, правы), я не собирался без веской причины устраивать в поезде кровопролитие. В вагоне сразу начнется паника, и дядя Пантелей живо вызовет сюда милицкий наряд. И тогда наша почти завершенная работа будет провалена в до обидного неподходящий момент.

– Замри, падла! – приказал я незнакомцу, стараясь разглядеть его лицо в тусклом свете лампы-ночника. – Шевельнешь хотя бы пальцем – пристрелю нахрен! Если ты в курсе, кто я такой, значит, знаешь, что я не блефую! Чего тебе надо?

Гость не ответил, но мой приказ, кажется, нарушать не собирался. Станный тип, да и человек ли это вообще?... Уж больно неестественно он выглядит. На первый взгляд все на месте: руки, ноги, голова... Разве что конечности чересчур длинные, а фигура настолько сутулая, что это бросалось в глаза, даже когда незнакомец сидел. Я было подумал, что он нарочно так изогнул шею, пытаясь, в свою очередь, получше рассмотреть меня. Но вскоре понял, что шея как таковая у незнакомца вовсе отсутствовала. Голова странного человека была посажена даже не на плечи, а на верхнюю часть широкой, но впалой груди, отчего горбушка у него располагалась почти вровень с затылком. Одет неказистый урод был в темное длиннополое пальто и несуразного размера ботинки – прямо не обувь, а натуральная пара шлакоблоков, в которые незнакомец вмуrowал свои ступни.

А вот лицо горбуна я не разглядел, сколько ни старался. Помнится, был в фильме Роберта Родригеса «Отчаянный» эпизод, когда мститель с гитарой заходит в бар и направляется к стойке, но лицо его все время находится в тени. Даже в те мгновения, когда гитарист вроде бы появляется на свету; такова была своеобразная режиссерская находка, обязанная подчеркнуть мрачный и загадочный образ главного героя... С незнакомцем творилось нечто похожее. На него падал рассеянный свет ночника, а также отблески фонарей, что изредка мелькали за вагонным окном. Я отчетливо видел, что визитер отбрасывает тень, следовательно, к нечистой силе он не принадлежал. Но лицо его при этом было словно окутано черной дымкой, которая не позволяла разглядеть, что же под ней скрывается. А длинные всколоченные волосы, что патлами свисали незнакомцу почти до колен, лишь усиливали отталкивающее впечатление от его внешности.

У меня по спине пробежали мурашки. Молчаливый урод без лица вновь заставил меня вспомнить те позабытые страхи, какие я испытывал в детстве, исследуя с приятелями темные подвалы. «Наверное, все-таки сплю и вижу кошмар», – умозаключил я, только уже знал, что это неправда. Слишком реальная была картина, да и пистолет во вспотевшей ладони был вполне материальным и готовым в любую секунду разнести незнакомцу голову. Впрочем, не исключалось, что это все же товарищи ради хохмы подсыпали мне в водку какой-нибудь наркотик и теперь дружно посмеивались под дверью, слушая мою перебранку с самим собой.

– Кто ты, черт тебя подери? – повторил я, усаживаясь на край кушетки и не спуская визитера с прицела. – Говори, а иначе стреляю!..

Очевидно, придется нарушить данное дяде Пантелею обещание и разбудить нашу соседку, но меня уже начинала бесить эта загадочная игра. Явился пугать, так пугай; поговорить – так говори. Вот бы мы сегодня у Подвольского нацепили на головы чулки, расселись перед ним и начали в молчанку играть! Что, интересно, подумал бы тогда о нас Адам?

Однако моя повторная угроза все же возымела эффект.

– Для тебя неважно, кто я и откуда, человек по имени Глеб, – заговорил наконец незнакомец. Голос его звучал надтреснуто и неестественно, будто был записан на виниловую пластинку. – Зови меня просто Рип. Я прибыл сюда затем, чтобы устранить одну серьезную проблему. И если Рип не сделает этого, ты, Глеб, и все остальные обитатели твоей Проекции, а также сама она исчезнут. Рип не может допустить такого, потому что это не понравится Держателю и нарушит целостность Проекционного Спектра. К тому же при этом неизбежно возникнет волна, которая захлестнет Рефлектор и Карантинную Зону. Этого допустить нельзя, Глеб, иначе Держатель накажет Рипа и выгонит его из Ядра. А я не хочу угодить в Беспросветную Зону. Там темно и холодно. Прежде чем попасть в Ядро, я прошел очень трудный путь, поэтому сделаю все, что угодно, лишь бы остаться там.

– Очень сочувствую тебе, Рип, – как можно искреннее произнес я. – Но давай лучше позовем проводника, и ты расскажешь свою историю ему. Клянусь, дядя Пантелей – хороший, отзывчивый человек и непременно тебе поможет...

«Да это ж обычный псих, который задал стрекача из горниловской лечебницы и каким-то образом пробрался в поезд! – осенило меня, отчего на душе моментально полегчало. Хватит уже на сегодня мистики! И от одной аномалии не успел толком отойти, а тут, как снег на голову, другая свалилась. – А может, придурка Рипа везут в Калиногорск на лечение, и, когда санитары уснули, он, неприкаянный, отправился бродить по составу и донимать пассажиров рассказами о своих глюках. А крыша-то у парня капитально съехала. Даже в историю болезни заглядывать не надо – и так заметно. Однако любопытно, что все-таки у Рипа с лицом? И откуда он знает мое имя? У дяди Пантелея выведал, что ли? И как только он психа к себе в вагон запустил!»

– Не зови проводника, Глеб, – попросил Рип. – Просто отдай мне Концептор, и я уйду. И все сразу вернется на свои места, обещаю.

– Какой такой Концептор? – полюбопытствовал я, медленно поднимаясь с кушетки и начиная понемногу двигаться к селектору, «зиг-зауэр» оставался у меня в руке на боевом взводе. А вдруг Рип только прикидывается спокойным? Буйные психи – народ коварный. Вот подойду я к ночному гостю, а он как выхватит из-под полы топор... Да что там топор! И обычный карандаш в руках безумца может легко стать орудием убийства.

– Тот самый Концептор, который ты отобрал у Человека При Деле, – пояснил Рип. Было совершенно неясно, наблюдал он за моими действиями или смотрел в сторону, поскольку ни глаз, ни лица Рипа я так и не видел.

– Ты хотел сказать, «у делового человека»?.. – Меня вдруг ошарашило, что Рип несет отнюдь не бред и появление здесь странного уroda напрямую связано со странной вещицей, что лежала у нас в кейсе. – А как зовут этого господина? Случайно, не Адам?

– Имя Человека При Деле – Адам, – подтвердил Рип. Я остановился и в нерешительности посмотрел на кнопку вызова проводника. Нет, присутствие дяди Пантелея при нашем разговоре пока нежелательно. – ...Он допустил серьезную ошибку, позволив Глебу забрать у него Концептор. Но с Людьми При Деле такое часто происходит – Адамы всегда плохо выполняли свой долг и не понимали всей опасности небрежного отношения к Делу. Рип не впервые возвращает Человеку При Деле утраченный Концептор. Отдай его мне, Глеб, и я немедленно уйду. Отдай, ведь ты в состоянии сделать это сам, без моего вмешательства.

– А сколько раз тебе его возвращали добровольно? – поинтересовался я. Блеск инкрустированных в армиллу самоцветов до сих пор стоял у меня перед глазами. От этого просьба безумца Рипа звучала еще наивнее, чем хрестоматийный призыв кота-пацифиста Леопольда к мышам: «Ребята, давайте жить дружно!»

– Очень редко, – сознался Рип. – Но я все равно сначала попрошу тебя отдать мне Концептор на таком условии. Ведь это не противоречит законам вашей Проекции и является самым приемлемым разрешением нашего конфликта.

– Понятия не имею, в каком мире и по каким законам ты живешь! – с вызовом ответил я. Кто бы ни подослал сюда Рипа, идея этого вымогательства была явно неудачной. – Но Концептор – или как он там называется? – ты получишь только через мой труп! Возвращайся и скажи Подвольскому, что он не на тех наехал! Если Адам считает, что живет по понятиям, то пусть прекращает выпендриваться и ведет себя достойно. А лично от меня передай, чтобы в следующий раз он нанимал для такой работы серьезных ребят, а не выпускников циркового училища... Проваливай!

– Ничего нового под солнцем! – философско-поэтическим тоном изрек Рип. Выполнять мое требование он не спешил, так и продолжал сидеть в кресле, даже позы не переменял. – О Трудный Мир, где все принято делать по пути наибольшего сопротивления! И за что только Держатель так любит эту Проекцию?

– Ты меня плохо расслышал? – сострожился я. – Пошел вон, клоун!

– Как пожелаешь, Глеб, – тяжело вздохнул горбун. – Мне не привыкать.

После этих слов он выскочил из кресла и от всей души засветил мне в лоб...

Конечно, это не противоречило бы здравому смыслу, находишься мы сейчас с Рипом на месте друг друга. То есть если бы я сидел в кресле и философствовал, а он набросился на меня с кулаками. В таком случае да – для Глеба Свекольниковца, в прошлом мастера спорта по боксу, было бы простительно получить по морде от неуклюжего горбуна. Но все случилось именно так, как описано выше: уроду удалось застать меня врасплох даже тогда, когда я ожидал от него подобной каверзы.

Давненько Лингвисту не доводилось, что называется, вылетать за канаты после пропущенного удара. Однако надо отдать должное многолетней боксерской практике: пока на диво резвый горбун выпрыгивал из кресла, я успел худо-бедно среагировать на его выпад и начал уходить с линии атаки. Поэтому и не угодил в нокаут, который при точном попадании столь мощного удара был бы мне обеспечен.

Я пролетел через все купе, врезался спиной в хлипкую дверцу туалетной кабинки и с треском вышиб ее. Дверца уперлась верхним краем в стену тесного туалета, да так и осталась стоять прислоненной к ней, а я мешком сполз по гладкому пластику на пол. Перед глазами все искрило и мельтешило, а в голове, синхронно с пульсом, набатом бил невидимый колокол. Я ощущал себя словно в церковной звоннице, где вместе со мной находились звонарь и бригада сварщиков, которые усердно работали и не обращали внимания на оглушительный колокольный рев.

Глупо было уповать на то, что Рип даст мне подняться и мы с ним продолжим бой по честным спортивным правилам. Выставив перед собой чудом не выроненный «зиг-зауэр», я начал поспешно искать цель, что при моей контузии сделать было весьма проблематично.

Рип же проскочил незаметно вдоль стены и накинута на меня сбоку, что позволило ему опять отыграть инициативу. Враг, который из-за своей согбенной фигуры смахивал на огромного грифа с опцированными крыльями, налетел на меня, словно хищная птица – на дохлого кролика. Цепкие пальцы горбуна клещами вцепились мне в запястье, а второй рукой Рип сдавил мне горло с такой силой, будто сунул его в слесарные тиски. Весу в убытке, чье обрамленное нечесаными лохмами лицо по-прежнему скрывала непроглядная тень, было столько, что ни о каком достойном сопротивлении я уже и не помышлял.

Дело принимало плачевный оборот. Рип вовсе не пугал меня и не собирался преподавать урок, намяв строптивцу бока. Дури в горбуне бушевало просто немерено. Уверен, он мог бы открутить мне голову за считанные секунды. Двинув несколько раз Рипу кулаком в бок, отчего паскудник даже не крикнул (а имейся у него лицо – наверное, и не поморщился бы), я от отчаяния и безысходности нажал на спусковой крючок. Затем еще и еще. А что мне оставалось? Это от тела в купе я не сумею избавиться, а уж стрельбу в потолок как-нибудь оправдаю. Главное, чтобы в вагоне поднялся шум, который по-любому послужит мне сейчас только на пользу. Хотя толку от того шума может и не оказаться. Пока суд да дело, горбун без труда осуществит задуманное убийство. А если Рипу повезет, то он еще и оправдается, что это я, пьяный, взбрел и набросился на него с оружием – вон, дескать, и водкой от трупа разит, убедитесь, кто не верит...

Результат от моей беспорядочной стрельбы получился не тот, на какой я рассчитывал. Одна из выпущенных наугад пуль разнесла стенную панель и угодила в скрытую под ней водопроводную трубу с горячей водой. Струя кипятка ударила Рипу в ухо. Вернее, туда, где оно должно было находиться, – наличие ушей у моего безликого врага тоже оставалось для меня загадкой. Горбун непроизвольно дернулся и ослабил хватку у меня на горле, что позволило мне вывернуться, а потом хорошенько размахнуться свободной рукой и заехать по скрывающему лицо противника темному мареву.

Я не расслышал ни хруста сломанной челюсти – удар пришелся аккурат туда, где у Рипа обязан был находиться подбородок, – ни даже клцанья зубов. Кулак хлопнул по какому-то вязкому ледяному киселю, словно угодил в ведро, полное слякоти. А затем меня ошарашило таким мощным разрядом энергии, какой, наверное, испытывают на реанимационном столе все клинические мертвецы, кому повезло дожидаться прибытия бригады «Скорой помощи». Но энергия эта не являлась электрической. Мне доводилось терпеть на своей шкуре удары электротока, чтобы делать столь уверенный вывод. На сей раз ощущения были, мягко говоря, нетипичные. Сознание совершенно не помутилось, но мышцы скрутило таким жутким спазмом, что тело рванулось вверх, словно лопнувшая пружина.

Удар Рипу в «область лица», похоже, не причинил тому никакого вреда, а вот моя конвульсия невольно помогла сбросить навшего на меня врага на пол. Вдобавок ошпаренный кипятком, горбун отпрянул от водяной струи, чем лишь упростил мне освобождение. Впрочем, наслаждался им я недолго. Уже через миг противник вскочил на ноги и снова набросился на меня, чтобы довести расправу до конца.

Только ничего у Рипа не вышло, и, когда он снова сомкнул пальцы у меня на шее, у него в теле сидело уже три пули. Две последние я выпустил в упор, поэтому промахнуться не мог в принципе. Из глотки врага вырвался мерзкий звук – не то шипение, не то свист, – после чего Рип разжал хватку и обмяк.

Едва это произошло, как купе тут же погрузилось в кромешную тьму. Я решил, что одна из пуль пробила врага насквозь и повредила проводку, но мрак был настолько плотным, что я не сумел рассмотреть в нем даже окон, за которыми в эту ночь светила яркая полная луна. А вслед за мраком нахлынул нестерпимый холод. Такой же холод, какой ощутил мой кулак, попав в скрытое черной дымкой лицо Рипа.

Едва этот стихийный мороз пробрал меня до костей, я почему-то уже не сомневался, что в следующий миг мне предстоит пережить новый энергетический удар. Только теперь он обязан был быть на порядок мощнее, как и мороз, сковавший мое тело от макушки до пят.

Предчувствия меня не обманули: разряд действительно не заставил себя ждать. Однако я его совершенно не почувствовал, потому что готовился к боли и спазмам, а взамен получил лишь мгновенное забытие. Это был один из тех редких случаев, когда несбывшиеся надежды несут не гнев, а облегчение. Правда, насладиться им я все равно не успел, ибо пропитанный

энергией ледяной мрак поглотил меня без остатка, как китовая пасть – жалкую одноклеточную водоросль...

Глава 3

...А еще через мгновение я сидел у вагонного окна на кушетке, тер ушибленный лоб и недоумевал, каким это образом мне удалось так быстро выкарабкаться из-под тяжелого вражеского тела и дойти до своей постели. Полминуты назад я всадил в Рипа три пули и пережил кратковременное помутнение рассудка – именно так я объяснял причину своего недолгого беспамятства, – но мир за это время успел сильно преобразиться.

Поезд стоял без движения в ложбине между поросшими редким лесом холмами, а за окнами вагона занималось раннее утро. Солнце еще не взошло, но сумерки уже рассеялись, и, значит, рассвета следовало ожидать с минуты на минуту. Походило на то, что я провел в забытии остаток ночи и попросту потерял счет времени.

Я машинально глянул на часы: одиннадцать пятнадцать... Все ясно – разбились в драке. А жаль, отличные были часы. Подарок Бурелома на мое тридцатилетие – высококачественная копия любимой модели самого Джеймса Бонда – «Omega Sea Master 007». Моя хоть и стоила в три раза дешевле, но отслужила мне верой и правдой не хуже, чем ее оригинал – нестареющему шпиону ее величества британской королевы... Хотя нет: я присмотрелся к секундной стрелке – часы шли. Впрочем, полагаться на них все равно было нельзя: они могли с тем же успехом простоять всю ночь, а под утро снова заработать. Какие вообще могут быть гарантии на копию, пусть достаточно дорогую, но побывавшую в серьезной переделке?

И дались мне эти часы! Будто об их сохранности следовало сейчас волноваться! Наверное, сказывались последствия вечернего возлияния и пережитого затем удара по голове, от которых теперь мои мысли шевелились, словно личинки мух в выгребной яме, – так же сумбурно и бестолково. Я потерял виски, после чего, обнаружив на столике открытую бутылку с минералкой, залпом опустошил ее почти до дна, а остатки выплеснул себе на макушку.

Вот так-то лучше! «Соображалка» хоть медленно, но заскрипела колесами в нужном направлении...

Итак, на дворе примерно семь – семь тридцать утра, мы по неизвестной причине стоим посреди леса и неизвестно когда отправимся дальше.

Хорошие новости: я выжил и до сих пор не арестован. Мне пришлось выпустить в драке треть пистолетного магазина, и за ночь меня не пришел проведать даже сопровождающий поезд наряд милиции. Очень странно.

Также странно то, что Тюнер и Кадило до сих пор не вернулись из ресторана. Вряд ли это заведение работало круглосуточно, и моих напарников непременно выдворили бы оттуда перед закрытием. То есть где-то около полуночи или, в крайнем случае, в полпервого ночи. Но если бы напарники вернулись, они непременно привели бы меня в сознание и стали выяснять, что тут стряслось и откуда у нас в купе взялся труп.

Труп! А вот это уже плохие новости. Даже учитывая, что мои выстрелы чудом не перебудили проводника и соседей, тело Рипа не оставляло никакой надежды на то, что мы выпутаемся из этой передрыги чистенькими.

А может, напарники отсутствуют потому, что решили избавиться от трупа? Ну да, разумеется! И для этого Тюнер и Кадило даже попросили машиниста задержать поезд и подождать полчаса, пока они зароят мертвеца в ближайшем лесочке! И не думал я раньше, Глеб Матвеевич, что ты – форменный идиот!..

Боль в отдавленной шее и отбитой спине причиняла неудобство, и я с большим трудом обернулся, дабы убедиться, что тело все еще находится на пороге туалетной кабинки. Я ничуть не сомневался, что оно там. Получить три пули в упор и выжить Рип мог, если только у него под пальто был надет хороший бронежилет. И вдобавок имелось везение.

Тело в купе отсутствовало. Совладав с головокружением, я добрел до туалета и убедился, что агонизирующий враг не заползл внутрь кабинки и не окочился там, забившись между раковиной и унитазом. Пятен крови также не наблюдалось. Разве только их смыла вода, что почему-то все еще бежала из простреленной трубы и утекала через сливное отверстие в полу. Но так или иначе кровавые следы на пороге туалета все равно бы остались. Однако их не было, что подтвердило версию о надетом на врага бронежилете.

Мне заметно полегчало: проблема избавления от крупногабаритной улики отпала. Хотя не исключено, что лучше бы Рип все-таки умер. Сталкиваться с ним снова мне вовсе не хотелось.

Значит, удрал, счастливчик! Но тогда почему он оставил меня в живых и не забрал с собой армиллу? Ведь я лежал на полу, абсолютно беспомощный, а ключ от багажной ячейки находился у меня в кармане рубашки. Он и сейчас там, а ячейка по-прежнему заперта. Кто-то прибежал на шум и спугнул Рипа? Но почему свидетель не вызвал милицию и не привел меня в чувство?..

Короче, с чего начал раздумья, к тому и вернулся... Сплошные загадки, и, чтобы их разгадать, придется волей-неволей высунуть нос наружу. А там будь что будет: или арестуют, или устроят скандал по поводу ночного дебоша, выломанной туалетной двери и пробитых водопроводных труб. Хотя еще неизвестно, кто здесь должен затевать скандал. Интересно будет послушать оправдания дяди Пантелея насчет того, почему это среди ночи по его вагону свободно разгуливают вымогатели и убийцы. А если бы Рип явился не ко мне – человеку, готовому к визиту непрошенных гостей, – а решил покуситься на честь благородной дамы из соседнего купе? И почтенный возраст не помог бы Иванычу – отвечал бы за халатное несение службы по всей строгости.

Я извлек из камеры кейс и на всякий случай проверил, на месте ли армилла, после чего запрятал драгоценный груз обратно, нацепил кобуру, пиджак и вышел в коридор. Накинись на меня сейчас милицейский наряд, я бы ничуть не удивился, ибо это не противоречило бы здравому смыслу. А вот гнетущая тишина, что царила в вагоне, вызывала предчувствие чего-то скверного и даже мистического. Но за минувшие сутки я успел свыкнуться со всякой чертовщиной и начал относиться к ней так же нормально, как к атмосферным осадкам. Я считал себя трезвомыслящим человеком и, столкнувшись пару раз с тем, что не поддавалось логическому анализу, признал за мистикой право на существование. Лучше было заранее сделать это, чем с пеной у рта отрицать «очевидное невероятное» до тех пор, пока оно, грубо говоря, не сядет мне на голову.

Впрочем, зловещая тишина продлилась недолго. Едва я выглянул в коридорное окно и убедился, что вижу в нем практически зеркальное отражение уже знакомого пейзажа, как снаружи до меня долетели возмущенные крики. А точнее, забористый многоэтажный мат – такой, которым русский человек при желании может выразить любые чувства, от восторга и удивления до ненависти и разочарования. В данном случае, судя по тону крикуна, его обуревали одновременно недоумение и гнев. Чем они вызваны, я пока не знал – чересчур сумбурен был доносившийся из соседнего вагона речевой поток. Но я полагал, что всему виной служит незапланированная остановка поезда, а не произошедшая ночью в спальном вагоне стрельба.

– Это что за шутки?! Да как же, мать его, такое может быть?! А если бы мне руку оттяпало нахрен?! Или вообще пополам перерезало!.. А куда поезд-то подевался?! Они там что, просто взяли да уехали?! И не заметили, что случилось?!

Иных приличных и связных реплик в шквале непечатной брани я не разобрал. Судя по всему, произошла какая-то авария, а этот возмущенный гражданин в ней едва не пострадал. Но что бы там ни стряслось, его крики наконец-то оживили наш вагон, странные пассажиры и проводник которого проигнорировали давеча мордобой и стрельбу, но на отборную матерщину отреагировали довольно-таки живо.

Однако, как выяснилось, никакой странности здесь не было. Просто до этого я пытался глядеть на ситуацию здраво, а она оказалась начисто лишена логики...

Первым передо мной нарисовался разозленный дядя Пантелей. Выглянув в коридор и заметив меня, проводник тут же решительной походкой направился в моем направлении. Он просто кипел от возмущения, но уподобляться крикуну, что блажил где-то под окнами, интеллигентный Иваныч не стал.

– Вы что себе позволяете, молодые люди? – уперев руки в боки, осведомился дядя Пантелей. Очи его сверкали таким негодованием, что, казалось, начни я пререкаться, и проводник сразу же отвесит мне пощечину. – Что это за пьяный дебош в общественном месте! Кто из вас стрелял? А ну сознавайтесь, а иначе милицию вызову! И не вздумайте отпираться – я отлично знаю, что вы за публика!

Вряд ли, конечно, он знал, на кого мы работаем, но догадаться о нашей профессии по замашкам моих товарищей Иваныч мог. И хоть в последние годы под чутким присмотром Лингвиста Тюнер и Кадило избавились от многих вызывающих манер, что были свойственны малолетней шпане, нежели серьезным взрослым людям, в речи напарников то и дело проскакивали прежние жаргонные словечки. Ничего не попишешь, наследие бурной молодости. Такое же, как переломанные носы, шрамы на кулаках и сотрясенные – благо хоть не окончательно – мозги.

– Это я стрелял, дядя Пантелей, – сознался я, не видя смысла отрицать очевидное. – Какой-то человек напал на меня ночью, когда я спал. Мне пришлось защищаться, но никто не пострадал, так что успокойтесь. Не надо никакой милиции. Не волнуйтесь, мы возместим вам весь ущерб.

Проводник недоверчиво прищурился, заглянул в купе, после чего с откровенной издевкой поинтересовался:

– Ну и куда подевался этот ваш злодей?

– Сбежал, пока я валялся без сознания, – ответил я. – Он двинул меня чем-то по темечку, и я отрубился. А когда очнулся, этот бандюга уже исчез.

– И у вас хватает наглости врать мне прямо в глаза! – укоризненно покачал головой Пантелей Иваныч. – Как же так ваш злодей умудрился прошмыгнуть незаметно мимо меня? Я лично запер четверть часа назад тамбурные двери!

– Четверть часа назад? Ха! – победоносно усмехнулся я. – Ваши двери стояли нараспашку всю ночь, а теперь вы удивляетесь, куда подевался человек, с которым мы дрались! Ну вы даете, Пантелей Иванович! У вас что, так заведено – запирает тамбур только перед рассветом, чтобы ночью по вагону шастали все, кому не лень?

– Что значит «перед рассветом»? Да вы своим уме? – От негодования дядю Пантелея аж затрясло. – Я еще не выяснял, что за светопреставление творится на улице и почему мы стоим, но сейчас, смею вам доложить, только двадцать минут двенадцатого! Вы устроили драку каких-то пять минут назад! С кем – понятия не имею. Возможно, у вас белая горячка и вы учинили погром в одиночку, а потом и вовсе утратили чувство реальности!.. Вы правы: милицию мы вызывать не будем. Вызовем-ка лучше врача!..

В то время, пока мы препирались, в вагонном коридоре один за другим появлялись любопытные пассажиры. Было их немного – помимо меня, всего трое. Оно и понятно: на этом, не слишком протяженном железнодорожном направлении многие путешественники предпочитали экономить и ездить в простых купейных вагонах. Такой «спальник», как наш, имелся в составе поезда всего один и был прицеплен в самом хвосте поезда. Словно бы в наказание за нашу гордыню и нежелание хотя бы ненадолго уравнивать себя в правах с остальными, не столь привередливыми гражданами.

Первой покинула купе та самая благородная дама, для которой кульминация нашей с Рипом разборки должна была стать сущим кошмаром. Попробуй тут засни, когда по соседству гремит война! Но, на мое удивление, дама выглядела совершенно спокойной. Невысокая – на голову ниже меня, – одетая в расшитый драконами китайский халат, женщина моих лет. На вид вполне себе ничего: ладная фигурка, тонкая талия, миловидное лицо, в котором присутствовали едва уловимые восточные черты; стянутые в пучок черные волосы до плеч; ухоженная загорелая кожа, большие карие глаза... Правда, взор чересчур надменен и колюч, ну да ведь у каждого из нас есть недостатки. Неудивительно, что дядя Пантелей дал моей соседке такую высокую оценку: люди голубых кровей различают друг друга с первого взгляда; как говорится, рыбак рыбака видит издалека... В руке у пассажирки была пачка дорогих сигарет и зажигалка. Видимо, дамочка проснулась и собралась закурить – в ее купе, как и в нашем, это позволялось. Но когда она расслышала, как в коридоре проводник распекает дебошира-соседа, не вытерпела и решила присутствовать при свершении правосудия. А не исключено, что и выступить на стороне Пантелея Ивановича.

Следом за ледышкой-брюнеткой в коридоре появился нескладный парень лет двадцати. Худосочный, в левом ухе и ноздре по серьге, во рту жвачка, волосы выкрашены в вызывающий зеленый цвет. Наряд парня состоял из кичливой оранжевой толстовки, коротких – чуть ниже колен – модных спортивных штанов и кед. Во времена моей молодости о таких типах было принято говорить: неформал. Как называли эту категорию молодежи сегодня, я понятия не имел, но по привычке продолжал питать к неформалам неприязнь. Конечно, не такую неприимимую, как пятнадцать лет назад. Сегодня я уже не считал подобную публику сорняками, которые надо изводить под корень, а относился к ней терпимо. В смысле, просто не замечал этих людей, как бы те ни изощрялись, пытаясь обратить на себя внимание окружающих.

Последней на шум вышла высокая, похожая на фотомоделю, девица. Для ее характеристики достаточно было всего одного слова: куколка. Длинноногая, голубоглазая блондинка, чья внешность – бесценный дар природы и одновременно – объект жестокой зависти обделенных этим даром подруг. Такие красотки никогда не затеряются в толпе и способны устроить себе жизнь, почти не прилагая к этому усилий; хватило бы житейского опыта выбрать себе достойного кавалера, а уж кандидатур на это место всегда найдется предостаточно. Девица носила коротенькую юбочку и черную, выше пупка, маечку с блестками. Выглядела белокурая пассажирка чуть постарше своего «зеленовласого» соседа, но гораздо моложе благородной дамы. В этом цветущем возрасте девушки либо еще только заканчивают институты, либо уже вовсю делают себе карьеру в каком-нибудь модельном агентстве. Или же, при чрезмерно неумной жажде красивой жизни, вкушают ее сладкие плоды из рук богатого спонсора. Впрочем, как сказал однажды поэт: все работы хороши, выбирай на вкус...

Девица хлопала спросонок длинными ресницами и недоуменно посматривала то на нас с проводником, то в окно, то на парня. А он при появлении в коридоре своей эффектной соседки тут же ошалел и, кажется, вообще забыл о том, что здесь творится (причина ошалеть у него и впрямь была, но выяснилась она немного погодя). Дама в халате смирившись с равнодушным взглядом, после чего прислонилась спиной к купейной двери, извлекла из пачки сигарету и демонстративно закурила. Прямо перед носом у брюнетки висело предупреждение не курить, но она его в упор не замечала.

Как оказалось, зря не замечала. Дядя Пантелей хоть и был занят со мной «разбором полетов», но пребывал начеку и живо засек нарушение правил противопожарной безопасности.

– Прошу прощения, но не могли бы вы погасить сигарету? Или же идите докурите ее у себя в купе, – вежливо обратился к даме Пантелей Иванович, едва до его чутких ноздрей долетел табачный дым.

– Да бросьте, господин хороший! – с вызовом заявила брюнетка. Она вышла к нам с явным намерением поскандалить, однако, вопреки моим прогнозам, поддерживать дядю Пан-

телея дамочка отнюдь не собиралась. – Я здесь по вашей милости только что чуть не нарвалась на пулю, а вы еще смеете меня в чем-то упрекать?

Аргумент был действительно железобетонный. Дядя Пантелей не нашел, чем на него возразить, лишь виновато побряхтел и отвел взгляд. Дама с победоносной ухмылкой затянулась и издевательски выдохнула в нашу сторону очередное облако сизого дыма. Похоже, эта самоуверенная особа умела побеждать в спорах. А вот мне крыть предъявленные обвинения было нечем. Как только проводник огорошил меня известием, что, несмотря на все признаки рассвета, на дворе нет еще и полуночи, я вконец запутался. Прояснилась лишь одна тайна: почему мои напарники до сих пор не вернулись из ресторана. Остальные же загадки не только не приблизились к ответам, а отделились от них еще дальше.

– Если сейчас ночь, то почему на улице так светло? – подала голос блондинка. Вопрос был очень актуальный и для меня, и для всех присутствующих. – И что от нас хочет вон тот военный?

Все, в том числе и мы с дядей Пантелеем, посмотрели в окна. Перед вагоном метался, размахивал руками и продолжал кричать тот самый человек, брань которого я расслышал, едва покинул купе. Он и впрямь был военным и носил камуфлированную полевую форму без головного убора. Выправка крикуна также бросалась в глаза, хотя гренадерской статью он не блистал. Низкорослый, плешивый мужичок лет за сорок, с помятой физиономией определенно любил выпить, но фигура его была подтянутой и сбитой. Что он хотел от нас, тоже было в принципе понятно. Завидев, что пассажиры «привилегированного» вагона обратили-таки на него взоры, военный начал рьяно выманивать нас наружу, все время указывая куда-то в начало поезда.

– Какой экспрессивный тип! – фыркнула брюнетка. – Кто-нибудь, спросите, чего ему неймется. Может, там впереди пожар или еще какая авария, а мы тут ни сном ни духом.

– Сейчас выясним, – с готовностью откликнулся Пантелей Иваныч и, одарив меня недвусмысленным взглядом, в котором явственно читалось, что наша беседа еще не окончена, зашагал к переднему выходу из вагона. Заметив, куда направился проводник, военный перестал жестикулировать и поспешил в том же направлении.

– Прошу прощения за беспокойство. Надеюсь, вы не пострадали? – извинился я перед брюнеткой. Сказать по правде, делать это мне совершенно не хотелось. Но я подумал, что, проявив учтивость, смогу убедить соседей в том, что диагноз «белая горячка» был вынесен мне Иванычем несправедливо.

– Закусывать надо, когда пьете! – огрызнулась благородная дама. – И кто вам только разрешение на оружие выдал?

Я бы мог показать этой стерве медицинскую справку о том, что моя психика в полном порядке, но вопрос был задан риторический и к ответу не обязывал. К тому же не успел я вымолвить в свое оправдание и слова, как брюнетка гордо повернулась ко мне спиной и удалилась к себе в апартаменты.

Я покосился на молодежь: ну, эти-то вряд ли дождутся от меня извинений... Впрочем, молодежи они и не требовались. Куколка, прикусив губку, продолжала топтаться у окна и растерянно смотрела на рассветное небо. Неформал пристроился рядом с соседкой и делал вид, что пялится туда же. На самом деле он явно собирался завести с блондинкой разговор, но пока робел.

Вот вам лишнее доказательство того, каким в действительности местом думают молодые люди этого возраста. Вокруг такое творится, что впору с ума сойти, а зеленовласому все до фонаря. Юноша озабочен тем, как произвести впечатление на сексапильную спутницу. А то, что рассвет сегодня наступил на семь часов раньше, для парня не новость. И впрямь, эка невидаль – природный катаклизм! Расскажешь кому – обсмеют или начнут допытываться, где такую шикарную «травку» можно достать, от которой даже солнце по ночам мерещится. Но

вот когда приятели узнают, что твоя подружка – настоящая фотомоделка, это вызовет у них лишь уважение и зависть. А что еще нужно для счастья, когда тебе всего двадцать лет?..

Мне не хотелось возвращаться в раскуроченное купе и дожидаться, пока проводник узнает обстановку и введет нас в курс дела. Заперев купейную дверь, я решил сходить проветриться и заодно разыскать Тюнера и Кадило, чтобы рассказать им о случившемся. Я вышел в тамбур, спустился по лесенке на землю, осмотрелся...

И обомлел!

Чудеса и не думали заканчиваться. Наоборот, теперь они начали обретать воистину чудовищный размах...

Полная клиника – так охарактеризовал накануне Тюнер проделки таинственной армиллы Подвольского. Мой напарник ошибался: в тот раз мы пережили лишь обычную «диспансеризацию». Клиника наступила сейчас, когда перед моими глазами предстала картина, что могла бы с легкостью вписаться в полотно любого сюрреалиста. Увиденное потрясло меня настолько, что я в ужасе попятился и чуть не запнулся о сидевшего на склоне холма дядю Пантелея. Крикун-военный тоже был здесь. Он устроился на кочке рядом с проводником и теперь угрюмо помалкивал.

Первое, на что я обратил внимание: наш вагон стоял на рельсах один-одинешенек, а поезда и след простыл. И не было бы в этом ничего странного, если бы мы просто отцепились от состава и торчали посреди леса позабыты-позаброшены. Ужас нашего положения крылся в другом. В действительности на путях находилась *одна целая и примерно одна десятая вагона*. Тот вагон, к которому был прицеплен наш, был распилен поперек с аккуратностью, недоступной даже высокопрофессиональным резчикам металла. По крайней мере, я сильно сомневался, что вижу перед собой результат деяния человеческих рук. Распластать многотонную махину с такой скоростью, да еще на ходу, не сумел бы и сверхмощный лазер.

Только здесь постарался явно не он. Край разрезанного вагона выглядел так, что казалось, будто никакой резки и вовсе не было. Любой металлорежущий инструмент оставляет после себя на материале характерный след: автоген – застывшие потеки металла, абразивный диск – шершавости и заусеницы, фреза – множество опилок, а зубило – деформированную рваную кромку. То устройство, что оттяпало хвост нашего поезда, не оставило за собой вообще никаких «улик». Складывалось впечатление, что вагоны вышли в таком ужасном виде прямоком с завода, где шлифовальщики тщательно обработали линию поперечного среза, доведя ее до идеально гладкого состояния.

Все признаки указывали на то, что распиловка проводилась уже после того, как поезд остановился. Разрез проходил не только через сам вагон, но и по его задней колесной паре и даже рельсам. Колеса на одной из осей были разделены на две неравные доли, словно монеты – слесарными клещами. Случись такое на ходу, поезд непременно сошел бы с рельсов и последствия катастрофы были бы на порядок страшнее.

Отрезанных сегментов колес поблизости не наблюдалось – видимо, они исчезли вместе с поездом. Но куда исчез он? А главное, почему и каким образом? Неужели поезд тащил за собой волоком разрезанный вагон? Раз так, значит, машинист был в курсе катастрофы, что случилась в хвосте состава, и тем не менее предпочел скрыться! Вот уж не думал, что на железной дороге – оплоте не менее железной дисциплины! – могут работать такие мерзавцы!

Но самое сильное потрясение ожидало меня после того, как я вдоволь наужасался видом разрезанного вагона и заметил, что исчез не только наш поезд, но и в придачу к нему железная дорога! Под нашим вагоном и прицепленным к нему «огрызком» путь был в полном порядке. Рельсы лежали на щебневой насыпи, в две колеи, одна из которых была пустой. Рядом с вагоном возвышалась мачта электромагистрали и торчал какой-то знак. Однако спереди и сзади – точно

на уровне среза и чуть поодаль от тыльной части нашего вагона – пути обрывались и пропадали. Причем вместе с насыпью и столбами.

Длинные обрывки проводов свисали до земли с единственной уцелевшей мачты, поскольку ее соседки как в воду канули. Я прикинул на глаз: если вытянуть эти обрывки в длину, они закончатся аккурат там, где обрывалась насыпь. Наш раскуроченный ущербный мини-состав будто водрузили на постамент – такой, на которые сегодня железнодорожники ставят в качестве памятников отслужившие свой срок легендарные паровозы. Наш «монумент» неизвестно чему был установлен в неизвестном месте неизвестно кем. А мы, помимо своей воли, стали неотъемлемой частью этой сюрреалистической композиции. Такие вот умопомрачительные дела.

Чудеса чудесами, но даже им при желании можно было подыскать разумное объяснение. Например, обвинить во всем сумасшедшего вымогателя Рипа, поскольку в его причастности к этому инциденту я был уверен почти наверняка. Предположим, Рип являлся представителем внеземной цивилизации и решил разыграть со мной и моими спутниками этакую глобальную шутку в духе «Секретных материалов», со светопредставлением и прочими инопланетными фокусами. И, надо отдать должное этому шутнику, его забава удалась на славу. Более грандиозного иллюзионного шоу я до сей поры и правда не видел.

– Охренеть! – коротко и емко охарактеризовал я увиденное и плюхнулся на сухую траву рядом с дядей Пантелеем и военным, который, согласно знакам отличия на погонах, носил звание прапорщика. Мы сидели рядом на склоне холма и завороченно пялились на вагон, словно мартышки-бандерлоги – на вогнавшего их в транс удава Каа.

– Верно, браток, – взбудораженным голосом поддержал меня прапорщик. Он немного пришел в себя и потому уже не матюгался через каждое слово, а пулял бранные словечки редко и исключительно по делу. – Найду того распридя, который это допустил, – живьем закопаю, клянусь! Но вы-то еще легко отделались, а вот мне досталось по самое не горюй! Едем мы, стало быть, с капитаном Репиным из горниловской учебки, новую партию сержантов к себе в часть везем. Все чин по чину, никакого пьянства – при исполнении как-никак. Ну, разве только с капитаном за ужином чекушечку в тихушечку выцедили и на этом баста... Сержанты – контингент смирный, дисциплине обученный; это ведь не призывники, за которыми глаз да глаз нужен. Потом я, значит, команду бойцам «отбой», а мы с Репиным решаем перед сном в картишки перекинуться. Сидим, играем, мне только-только масть поперла, и тут, как назло, желудок прихватило. Да так резко, что пришлось бросать все и бежать в сортир. Во-о-он туда...

Прапорщик указал на куцый обрезок, который остался от его некогда длинного вагона. Я уже заметил, что «демаркационная линия» проходила аккурат через туалетную кабину, поэтому дальнейшее развитие событий в рассказе бедолаги-военного предсказать было несложно.

– Оккупировал сортир, устроился, никому не мешаю, и вдруг бац! – стена с умывальником исчезает начисто! – продолжал прапорщик. – Вжик – и будто ее вовсе не было! Что за эпическая сила сортир располовинила – неизвестно. Только пересрался я так, что не сиди в тот момент на толчке – стирал бы сейчас штаны в ближайшей луже. Минуту вопил, как ошалелый, чес-слово! А что было думать? Катастрофа! Поезд слетел под откос, а мы каким-то чудом на рельсах остались... – Далее последовал громоздкий и непередаваемый каскад идиоматических выражений, смысл которых был, впрочем, ясен даже мне – человеку, не служившему в армии. – ...Потом присмотрелся: что за чертовщина? Ни огня, ни трупов, ни обломков, ни, бляха-муха, даже рельсов! Сiju я, значит, со спущенными штанами в сортире из двух с половиной стен посреди чистого поля, вокруг тишь да благодать, а я ору дурнем почем зря! Увидит кто – сраму ведь не оберусь. Опозорится прапорщик Хриплый перед честным народом, капитаном и курсантами... Одним словом, как верно подметил браток: охренеть!.. А дальше вы все и без меня знаете... Эй, батя, тебе что, плохо?

– Есть немного, – признался Пантелей Иванович, морщась и потирая грудь в области сердца. А затем извиняющимся тоном обратился ко мне: – Послушайте, Глеб, вы не могли бы сбегать в вагон и принести мои таблетки? Они в маленькой бутылочке, у меня в портфеле. Не ошибетесь – других лекарств там нет. Вот, держите ключи от купе.

Я с опаской взглянул на побледневшего дядю Пантелея, взял ключи и припустил к вагону. Больше всего я переживал, что у Иваныча случился инфаркт и от таблеток не будет никакого проку. Несмотря на то что мы с проводником пребывали на ножах, смерти я ему, конечно же, не желал. Он бранил меня по долгу службы и не попусту, поэтому затаивать на Иваныча злобу было глупо...

К дяде Пантелею я возвращался не один, а в компании трех сопровождающих. Не добившись от меня внятных ответов, мои новые знакомые решили прогуляться и самостоятельно разведать обстановку.

«Надо было предупредить, чтобы те из них, кто тоже сидит на таблетках, прихватили их с собой, – поздновато спохватился я, неся проводнику лекарство и бутылку с водой. – А то мало у Иваныча успокоительного, чтобы всех особо впечатлительных отпаивать...»

Пока дядя Пантелей глотал таблетки – благо за те пару минут, что я отсутствовал, ему не стало хуже, – вылезшие из злополучного вагона пассажиры сполна насытились жестокой правдой, приправленной изрядной долей острых ощущений.

Благородная дама, которая ради этой вылазки переделалась в джинсовый брючный костюмчик, уселась на землю прямо перед раскуроченным вагоном и, ошалело взирая на сортир «в разрезе», полезла ходящей ходуном рукой в карман за сигаретой.

Спустившись с подножки и увидав, что здесь творится, блондинка от неожиданности вскрикнула и, прикрыв в испуге ладонью ротик, застыла в этой позе, будто статуя. Казалось, куколка гадала, падать ей в обморок сию минуту или же подождать, пока поблизости окажется кавалер, готовый подхватить девушку на руки.

Но зеленовласому неформалу было сейчас не до ухаживаний. Наконец-то его, что называется, проняло. Он в возбуждении заходил туда-сюда возле сюрреалистических останков поезда, трогал обрезанные края вагона и периодически издавал протяжное «Ва-а-ау!» – ни дать ни взять, голодный котяра, что крутится у ног потрошащей рыбу хозяйки. После чего, обуздав-таки волнение, парень попросил у брюнетки закурить. Та чисто машинально протянула ему пачку и зажигалку, которые юноша также машинально передал обратно, как только выудил оттуда сигарету и прикурил ее. Шок для собравшейся у вагона троицы был общим и вполне естественным диагнозом.

Дядя Пантелей, поблагодарил меня за услугу, выпил таблетки и, закрыв глаза, прилег на травку дожидаться, когда ему полегчает. Бледность у него с лица потихоньку спадала, что являлось хорошим признаком. К счастью, больше никому из нас медицинская помощь не потребовалась, а иначе я даже не предполагал, что бы делал в данной ситуации. Проводник поезда, военнослужащий и бывший спортсмен – несомненно, мы были знакомы с правилами оказания первой врачебной помощи. Но для квалифицированного медицинского обслуживания наших познаний в этой области явно не хватало. Даже совместных. Глядя на остальных, я все больше приходил к выводу, что на поддержку этой троицы можно вовсе не рассчитывать – хватило бы сил позаботиться о себе, не говоря о других.

– Не могу, не могу в это поверить... – севшим голосом пробормотал дядя Пантелей, не открывая глаз. Видимо, у него попросту не было сил смотреть на это безумие. – Здесь какое-то недоразумение! Так не бывает!

– Выходит, батя, что бывает, – возразил прапорщик. Я с удовлетворением отметил, что, придя в себя, Хриплый начал глядеть на окружающий нас странный мир с тем же фатализмом, что и я. – Слышь, браток, – обратился он ко мне, – у тебя мобильник с собой?

Я достал из кармана пиджака телефон и с огорчением отметил, что прапорщик вспомнил о нем раньше меня. Выходит, это только в анекдотах прапорщики – сплошные тугодумы. В экстренных же обстоятельствах они, как выяснилось, мыслили быстро и практично.

– Я бы мог, конечно, и сам звякнуть куда следует, но мой мобильник у капитана в вагоне остался, – виновато уточнил Хриплый. – Кстати, меня Архип зовут. Архип Хриплый. А друзья Охрипычем кличут. Как видишь, отец у меня был человек с юмором.

– Глеб Свекольников, – представился я, после чего счел своим долгом представить и нашего проводника, с коим Архип, вероятно, был еще незнаком. – А его зовут Пантелей Иванович.

– Уже в курсе, – кивнул прапорщик, указав на табличку с именем и фамилией, приколотую к лацкану форменного кителя дяди Пантелея. – Эх, тяжело бате пришлось – в его-то возрасте, да в такую передрагу... Ты это... звони, не отвлекайся – Иванычу не мешало бы врачу показаться... А я пока с теми буржуями потолкую, а то они сейчас батю своими расспросами вконец доконают.

Охрипыч вовремя смекнул, какая опасность нависла над несчастным дядей Пантелеем. Троица шокированных пассажиров прекратила созерцать раскуроченный вагон и теперь направлялась к нам. Вид у каждого из «буржуев» был довольно воинственный. Им не терпелось вывести у Иваныча всю правду, какую он, по их мнению, обязан был знать.

Прапорщик самоотверженно преградил путь этой перевозбужденной компании и принял на себя тот шквал расспросов, что грозил обрушиться на пожилого проводника. Со своей задачей Хриплый отменно справился, видимо отточив мастерство агрессивной полемики при работе со строптивыми призывниками. Пока же Охрипыч защищал дядю Пантелея от разгневанных пассажиров и четко, по-армейски разъяснял им текущую обстановку, я терзал мобильный телефон. Сначала попытался дозвониться до всех известных мне служб экстренной помощи, а затем, когда выяснилось, что звонки не проходят, взялся по очереди обзванивать знакомых из адресного списка. Не забыл, само собой, и про Бурелома, поскольку его следовало непременно известить о нашей непредвиденной задержке.

Бесполезно. Сигналы уходили в никуда и обрывались без каких-либо предупреждений от оператора. Попытка наладить связь с вершины холма тоже ничего не дала. Вдобавок, поднявшись на возвышенность, я был немало озадачен развернувшейся передо мной панорамой. То, что я не засвидетельствовал восход солнца, было в принципе не удивительно – я уже догадался, что досрочный рассвет возник из-за какого-то атмосферного явления. (Откровенно фантастическую версию о причудах времени я отверг за отсутствием веских доказательств. А без них можно было фантазировать на эту тему хоть до помутнения рассудка.) Однако если с небом в целом был порядок, то увиденная мной с холма местность выглядела несколько непривычно.

Еще при выходе из вагона я заметил, что в этой местности прямо-таки по-летнему тепло. И это октябрьской ночью, в Сибири, на шестидесятой параллели! Тем не менее температура воздуха здесь держалась такой, что можно было без проблем расхаживать в одной майке, как наша очаровательная блондинка. Вероятно, воздух хорошо прогрелся из-за того, что не было ветра. Еще не опавшие сухие листья не шелестели даже на тех деревьях, что росли на вершине холма, где, по идее, ветерок должен был ощущаться всегда. После пережитого намеренного удара по голове я не доверял собственному слуху и потому пригляделся к деревьям получше. Нет, мне не почудилось – листья и впрямь висели на ветках без малейшего колебания.

Да и бог с ними, с листьями, махнул я рукой (при этом у меня сложилось впечатление, что здесь отсутствовал даже не ветер, а сопротивление воздуха как таковое). Лучше объясните-ка, что за безбрежный водоем наблюдается у самого горизонта, в западном направлении (а может, и в другом – я ориентировался только по расположению вагона, который до катастрофы двигался строго на запад). Насколько я помнил географию края, ничего подобного вблизи железнодорожной ветки Горнилово – Калиногорск не было. Несколько речушек да пара небольших

водохранилищ, что пересекли мы по пути в этот райцентр, выглядели попросту жалко в сравнении с замеченным мной не то крупным озером, не то маленьким морем.

Кажется, на берегу водоема располагался какой-то населенный пункт. По крайней мере, возвышение, что торчало из-за прибрежных холмов, имело правильную геометрическую форму и больше походило на здание, чем на высокую скалу. Вот и отлично, решил я. Еще неизвестно, придут ли спасатели, так что, в случае чего, доплетемся до города пехом. Полтора десятка километров по пересеченной местности осилит и Пантелей Иваныч, не говоря об остальных. Разве только придется тащить на себе чей-нибудь багаж... Ну уж хрен вам! За неформала не скажу – он небось будет только рад услужить блондинке, – а я в носильщики не нанимался. Пусть прапорщик этим занимается – ему в любом случае налегке путешествовать. А у меня своя поклажа имеется, которую здесь бросать никак нельзя...

– Когда придут спасатели? – поинтересовалась благородная дама, едва я спустился с холма. Она ничуть не сомневалась в том, что доблестные парни из МЧС в скором времени вытащат нас из этой передрыги – не в дикой же сельве Амазонки мы, в конце концов, потерялись.

Пришлось огорчить брюнетку и остальных известием, что связь в этом районе – отвратительнее некуда и потому куковать нам здесь предстоит как минимум несколько часов. Конечно, при условии, что граждане пострадавшие не соизволят прогуляться до ближайшего города на своих двоих.

Немедля был готов выступить в дорогу лишь прапорщик Хриплый. Дядя Пантелей и прочие ответили на мою инициативу вмиг скисшими лицами и дружно схватились за свои мобильные телефоны в надежде, что кому-нибудь из четверых повезет больше, нежели мне. Ничего у них, понятное дело, не вышло – удача сегодня повернулась спиной ко всем нам.

Пока я отсутствовал, буржуи и прапорщик успели друг с другом перезнакомиться. Поэтому я оставался один, кто еще сохранял инкогнито для половины моих собратьев по несчастью.

– Агата Юрьевна, референт директора «Траст-Север-банка», – кратко, но с достоинством представилась благородная дама. Неужели и впрямь решила, что я буду называть ее по имени-отчеству? Экая претенциозная милочка! Помечтай, помечтай...

– Паоло... То есть Павел Тумаков. – Зеленовласый нехотя оторвал задницу от земли и протянул мне ладонь для рукопожатия. Жать ему руку не хотелось, но пришлось – надо же было как-то отбелить свою репутацию пьяницы и дебошира. – Учусь в нашем ГИМО. Мой отец – помощник посла в Суринаме. Но это временно. Через год его обещают в Штаты перевести.

Меня такие подробности интересовали не больше, чем местонахождение того же Суринама. Но раз уж Паша счел необходимым известить меня об этом, значит, и мне следовало порадоваться за успехи главы семейства Тумаковых. Что я и сделал посредством скупой улыбки и вежливого кивка.

– Кажется, мы с вами раньше где-то встречались, – заметил я блондинке еще до того, как она назвала свое имя. Нет, я вовсе не пытался встать между ней и взявшим ее под опеку студентом. Лицо куколки и впрямь показалось мне знакомым.

– Ну вы, Глеб Матвеевич, даете! – воскликнул Паша, не дав девушке и рта раскрыть. – Конечно же, вы ее знаете! Ведь перед вами – наша знаменитая певица Ленора Фрюлинг! Звезда! У меня все ее альбомы дома на дисках есть! Что с вами? Неужели вы музыкой не интересуетесь?..

Вот оно, оказывается, в чем причина моего дежавю! Так, значит, с нами – несравненная Ленора собственной персоной, чьи афиши я видел в Горнилове всего несколько часов назад. Каюсь, а я при взгляде на куколку начал было грешным делом вспоминать наши с напарниками недавние похождения в корпоративные сауны...

– Рад знакомству, Ленора, – раскланялся я, искренне надеясь, что меня не заставят высказывать свое мнение о творчестве госпожи Фрюлинг. – Как прошли гастроли?

– Спасибо, хорошо. Только я не Ленора, а Лена... Лена Веснушкина, – метнув недовольный взгляд в почитателя, поправила меня звездочка и пояснила: – Этот псевдоним мне имиджмейкеры дали. Сказать по правде, я его терпеть не могу. Буду признательна, если вы, Глеб, и остальные будете звать меня просто Лена. А то, боюсь, скоро я от этого имени совсем отвыкну.

– Не вопрос: Лена так Лена, – пожал плечами пристыженный Тумаков. – А вот мне моя кликуха всегда нравилась: Паоло Свинг. Классная, да?

– Боксер? – вежливо осведомился я.

– Не-а, – помотал головой Паша. – Я ж не дурак, чтобы давать кому-то колотить себя по башке и народ этим развлекать... Свинг – это типа тоже псевдоним. Просто мы с пацанами из института давно хотим музыкой заняться и свою «банду» сколотить. Даже название придумали: «Тротиловый эквивалент»! Хотели поначалу «Жгучими красными перцами» обозваться, но потом выяснилось, что какие-то американцы это название раньше нас застолбили. Но наше тоже ничего звучит. Паоло Свинг и группа «Тротиловый эквивалент» – круто, да?

Вопрос предназначался не мне, заскрипевшему зубами после бесцеремонного отзыва Свинга о моем любимом виде спорта, а Лене – видимо, она была просто обязана не устоять перед апломбом несостоявшегося музыканта. Но Веснушкина ничего не ответила Тумакову, лишь горестно вздохнула и потупилась. Ее и без того тяготила ситуация, в которой мы очутились, а тут еще, как назло, к Леночке поклонник навязался. Не поклонник, а сущий репей! Увы, Ленора, но такова оборотная сторона всенародной любви: стоит только заработать себе популярность, и уже нигде не будет тебе проходу от почитателей. Даже в эпицентре паранормального катаклизма.

Лингвист, Охрипыч, Фрюлинг, Свинг... Вот тебе, Паоло, и готовая банда. Осталось только двум ее членам клички придумать, и дело в шляпе. Хотя, конечно, дяде Пантелею в его возрасте обзаводиться кличкой будет несолидно, но для Агаты Юрьевны еще не поздно подобрать что-нибудь этакое. «Банкирша», например. А что, весьма емкое прозвище, которое лишь подчеркивает стервозную натуру нашей бизнесвумен и при этом ничуть не омрачает ее благородный имидж.

Мы расположились на вершине холма, словно на пикник, только что продукты не захватили. За неимением иных актуальных тем для разговора занялись обсуждением свалившейся на нас неприятности. Самыми активными в этом плане оказались студент и прапорщик. Первый – из-за бурного юношеского воображения. Второй – потому что любил почитывать на досуге фантастическую литературу, где порой описывались куда более невероятные случаи. Немного оклемавшийся дядя Пантелей, женщины и я просто слушали перебивающих друг друга «аналитиков», не споря и не соглашаясь ни с кем из них.

Я тоже мог бы рассказать довольно интересную историю про лежащую у меня в кейсе армиллу. А также о психе без лица, что явился за ней и чуть было, как однажды выразился наш многоуважаемый президент, не замочил меня в сортире. Катаклизм случился именно в тот момент, когда я прикончил Рипа – вернее, думал, что прикончил, – и вряд ли это было простым совпадением.

Но я, естественно, не выдал своей страшной тайны. Пусть фантазируют, кому сколько угодно. Пользы от этого не больше, чем от толчения воды в ступе, зато дружеское общение хорошо помогало всем нам бороться со стрессом. За себя я не переживал, однако находиться в компании паникеров мне бы не хотелось. Поэтому приходилось делать вид, что я заинтересованно внимаю рассказчикам, дабы они не прерывали свои речи и отвлекали себя и прочих от мрачных мыслей.

Ожидание протекало без каких-либо эксцессов, если, конечно, не брать во внимание то, что ночь упорно не желала возвращаться в свои права. Однообразное серо-голубое небо, на котором не маячило ни облачка, больше не светлело. Казалось, что солнце попросту застряло на подступах к горизонту, отчего суточный цикл планеты дал сбой. Поэтому, чтобы вновь отладить его, Всевышнему требовалось время на перезагрузку своего небесного суперкомпьютера. Данную версию выдвинул пока в компьютерных вопросах Паша Тумаков, и мне это его предположение понравилось больше других.

Мои часы шли без сбоев, и стрелки как-то незаметно подобрались к полвторого ночи. Спать не хотелось – попробуй-ка уснуть после такой нервотрепки! Мы периодически проверяли, не появилась ли связь, и надеялись, что спасатели непременно нас отыщут. Почему-то все были убеждены, что наш вагон зашвырнуло недалеко от железной дороги, а неизвестный водоем кажется таким огромным из-за расстояния; на самом же деле на горизонте – всего лишь один из здешних прудов.

Но спасатели не появлялись, хотя, согласно нашей теории, их вертолеты уже должны были всюду барражировать над окрестностями. Мы не сомневались, что рано или поздно нас найдут и вытащат отсюда, но все равно ожидание в полной безвестности утомляло и вызывало мерзкое чувство тревоги.

Поэтому, когда до наших ушей наконец-то долетели отзвуки какой-то деятельности, мы встрепенулись и, как по команде, поднялись на ноги. После чего стали озираться в поисках источника этого долгожданного шума.

– Ну наконец-то! – облегченно выдохнула Банкирша, отряхивая с джинсов сухие травинки. – Наверное, подключили к поискам спутник, а может, наши телефоны запеленговали. Сегодня спасатели это умеют – как-никак не в Советском Союзе живем.

– Давайте не будем трогать Советский Союз, – попросил дядя Пантелей. Он тоже был обрадован сигналам идущей к нам помощи, а возмущался лишь для проформы, как поступило бы на его месте большинство пожилых людей, кому довелось почти всю жизнь прожить при советской власти. – При всех недостатках социалистического строя это было неплохое время. По крайней мере, поезда в те годы на полном ходу по частям не исчезали.

Агата не стала дискутировать с Иванычем, поскольку затронутая ими тема была совершенно неуместна. Все мы дружно обратили взоры на восток, или, если уж быть точным, то в противоположном городе направлении. Звук приближался именно оттуда. На что конкретно он походил, сказать было сложно. Но мы, обнадеженные переменами, слышали в этом шуме гул автомобильных двигателей. Не вертолетов – иначе мы уже давно рассмотрели бы их в небе, – но лично для меня особой разницы не было. Я бы не возражал хоть полдня протрястись в кузове грузовика, лишь бы поскорее убраться из этого проклятого места.

– Что-то здесь не так, – помотал головой прапорщик. – Автомобили не могут двигаться по пересеченной местности с одной скоростью. А эти прут как по автостраде, без малейшего усилия.

– Возможно, тут и впрямь есть поблизости шоссе, – предположил я. – Просто его не видно с нашего холма.

– Может быть, браток, – с неохотой согласился Охрипыч. – Только мне все равно как-то не по себе.

– Перестаньте, Архип Семенович, – возмутился студент. – Разве не видите: вы пугаете девушку!

И кивнул на Лену, на лице которой и впрямь было написано нешуточное волнение. Веснушкина стояла, зябко обхватив себя за плечи, и дрожала, но явно не от холода. Вид у нее при этом был настолько беззащитный, что мне невольно захотелось обнять и утешить бедную девушку. Того же самого, несомненно, хотелось и Паше. Но он до сих пор так и не сумел перебороть смущение перед знаменитостью краевого масштаба.

– Помолчи, студент, – одернул Охрипыч заботливого Свинга. – Ты уже достаточно сегодня наговорился. Понадобись – спрошу.

– Что вас беспокоит, Архип? – негромко полюбопытствовал дядя Пантелей, приблизившись к прапорщику. Проводнику тоже не хотелось лишний раз пугать женщин, ведь подозрения Охрипыча могли запросто оказаться ложными.

– Это не моторы, батя, – также вполголоса ответил Иванычу военный. – Уж поверь, я на своем веку в армейских автоколоннах помотался не меньше, чем ты – в поездах. Гул ровный, как у трансформатора, вот только трудно мне представить трансформатор таких габаритов. Да добавок движущийся...

Я тоже мысленно согласился с прапорщиком: чем громче становился звук, тем меньше он походил на рев грузовиков. Как, впрочем, и на трансформаторный гул. На мой взгляд, эти звуковые колебания производило вообще не механическое устройство. А что именно, я даже представить себе не мог.

В неотвратимо накатывающем на нас шуме можно было при желании расслышать урчание сытого льва, рокот камнепада, вялые раскаты грома, буйство далекого лесного пожара и еще много чего, схожего по тембру. Но более верным определением я бы назвал сочетание всех этих звуков в едином потоке. Слушая его, я мог с легкостью вообразить все, что угодно, но источник шума все равно оставался для меня загадкой.

Однако долго томиться в неведении нам не пришлось. Миновала почти минута, как Охрипыч высказал проводнику свои сомнения, и горизонт на востоке вдруг подернулся полупрозрачным маревом. Аналогичный эффект возникает в жару над землей или любой другой нагретой поверхностью. С той лишь разницей, что увиденное нами марево являлось более плотным и достигало небес. Это была мутная пелена, что целиком состояла из движущихся разводов, как густой сахарный сироп при размешивании. Пелена надвигалась на нас похожим на дождевой фронтом и до неузнаваемости искажала все, что попадалось ей на пути: холмы, деревья и даже небо, однотонный цвет которого вроде бы нельзя было исказить ничем.

Одно дело – смотреть в кинотеатре, как огромное цунами смывает в океан прибрежный мегаполис, и совсем иное – когда подобная водяная гора летит наяву со скоростью реактивного самолета прямо на тебя. С учетом того, что до ближайшего океана отсюда – пара тысяч километров. А может, гора была вовсе и не водяная, но для нас в тот момент это не имело принципиального значения. Рокочущее марево стремительно приближалось, а мы стояли на холме с открытыми ртами и ватными ногами, понятия не имея, какая участь нас ждет.

– Ложись! – зычно скомандовал прапорщик. Вряд ли он не осознавал, что все это без толку. Но наша буржуйская компания исполнила приказ, наверное, не хуже тех вышколенных сержантов, каких Охрипыч вез из учебки. Замешкалась только Леночка, но ее верный паладин Тумаков не растерялся. Бросившись на объект своих воздыханий, Свинг повалил Веснушкину на траву и отважно накрыл девушку собственным телом.

А в следующее мгновение дрожащее марево накрыло округу и всех нас...

...И ничего катастрофического не произошло. Я ожидал сокрушительного удара, который отправил бы меня в долгое путешествие по воле стихии, но она не сдвинула нас и на миллиметр. Инстинктивно задержав дыхание, я не стал зажмуривать глаза, хотя мое любопытство выглядело довольно безрассудным. В полупрозрачном мареве было сложно рассмотреть даже кончик собственного носа. Поэтому я только на ощупь определил, что в пучине непонятной субстанции не шелохнется ни одна травинка и вообще не происходит никакого движения.

Все могло быть не так уж и плохо, если бы не давящая на уши низкочастотная вибрация и резкий холод, что пробрал до костей мое разморенное теплом тело. Не беспокоят меня эти две неприятности, я мог бы проваляться в объятьях стихии-миража сколь угодно долго. Попробовав вздохнуть, я с облегчением обнаружил, что делаю это легко, как и прежде. И мороз мне нисколько не мешал. Это был тот самый мороз, что я пережил в поезде после драки с Рипом.

Холод не щипал кожу и не обжигал легкие. Он как будто зарождался внутри меня и неудержимо рвался наружу, заставляя тело дрожать и корчиться в судорогах. Не то чтобы муки были непереносимые, но продлись такая пытка пару-тройку часов, да еще вкупе с давящим на психику звуком, я бы, пожалуй, рехнулся.

К счастью, все завершилось довольно скоро – в пределах каких-то пяти-шести минут. Едва призрачная лавина схлынула, моя окоченелая спина тут же почувствовала прежнее тепло, которому я обрадовался больше, чем Моисей – манне небесной. Судя по скрюченным страдальческим позам товарищей, им также пришлось несладко. Наши зубы клацали так, что запиши мы их совместный стук на пленку да проиграй на полной громкости, получился бы концерт не хуже традиционных японских барабанов тайко.

Разговаривать в таком продрогшем состоянии было попросту невозможно, и мы поднялись на ноги в угрюмом молчании. Все, кроме Охрипыча. Он тут же принялся за согревающую физзарядку и взялся агитировать остальных поддержать его почин. Все отказались, поскольку были слишком подавлены, чтобы бодро размахивать конечностями под счет заводилы-прапорщика. Дядя Пантелей выглядел вконец измученным, но за сердце не хватался – видимо, начинал потихоньку перебираться в нашу с Хриплым фракцию фаталистов. Банкирша Агата потянулась за очередной сигаретой, но так и не смогла ухватить ее заостренными от холода пальцами.

Последним с земли поднялся Паша. Делал он это с большой неохотой, поскольку был готов и дальше согревать Леночку столько, сколько потребуется. Однако Веснушкина мягко, но настойчиво отстранилась от кавалера, в объятьях которого она и без того провела непозволительно долгое для общения с рядовым поклонником время. Хотя самоотверженное поведение Паши перед лицом грозной стихии слегка изменило мое мнение о Свинге в лучшую сторону. Зеленовласый казался мне теперь не обычным ублюдком, а храбрым ублюдком – фантастический прогресс для неформала в глазах бывшего гопника, сиречь меня.

Просто чудо, что после пережитого нами второго катаклизма все обошлось без криков и истерик. Видимо, всему виной был холод, изрядно притупивший наши чувства и эмоции. Поэтому, когда мы мало-помалу оттаяли, адреналин у нас в крови уже успел перебродить.

На первый взгляд все вроде бы осталось по-прежнему: мы расселись на траве и начали обсуждать произошедшее. Но наше внешнее спокойствие было очень зыбким. В действительности мы ощущали себя подобно парашютистам, которым довелось приземлиться с нераскрывшимися парашютами и при этом не получить ни единой царапины. Мы как ни в чем не бывало продолжали беседу и даже шутили, но в душе каждого из нас образовался серьезный надлом. Каковы будут его последствия и когда они проявятся, этого нам было знать уже не дано...

Не стовариваясь, все единодушно принялись называть пронесшуюся по округе полупрозрачную стихию «волной». («Епическая волна охеренной высоты» – так более конкретно охарактеризовал это явление Хрипый, большой поклонник Жюль Верна и Герберта Уэлса. Полагаю, узри Охрипыч наяву марсианский треножник, тот заработал бы от прапорщика адекватное определение.) Едва слово «волна» было произнесено, как мне тут же закрались на ум смутные ассоциации. Я припомнил, что буквально накануне кто-то уже заикался при мне о неких вредоносных волнах. Но слышал я о них не от Тюнера и Кадила, однозначно. Подвольский? Тоже маловероятно...

Наморщив лоб, я начал по крупницам восстанавливать в памяти события вчерашнего дня и достиг-таки нужного результата. Рип! Вот кто упоминал вчера про волну, протирая мне уши своими бреднями о Концепторах и Людях При Деле. Помнится, Рип страшно боялся исчезновения некой Проекции, из-за чего неминуемо возникнет волна, а она, в свою очередь, обрушится на какой-то Рефлектор. За что растяпу Рипа якобы накажут и отправят на зону, название которой я вспомнить уже не мог.

Опять случайное совпадение? Сомнительно, а особенно после того, как я пережил за истекшие двенадцать часов столько чертовщины, что ее с лихвой хватило бы на докторскую диссертацию любому исследователю паранормальных явлений. А вдруг безликий псих действительно говорил правду и мы с напарниками по незнанию вмешались в планы агентов внеземной цивилизации? Разве то, что теперь творится вокруг нас – а конкретно похищенной армиллы, – не служит тому прямым доказательством? Наверное, надо было все-таки послушаться Рипа и во избежание трагических последствий отдать ему армиллу. Но какой идиот поверил бы без доказательств словам уродливого горбуна? Что ж, извольте: вот они, ваши доказательства! Причем такие, которые вынудят даже закоренелого скептика уверовать в сверхъестественное...

Да, давненько Лингвист не попадал в столь серьезный переплет. И прельстились мы, три кретина, на эту проклятую армиллу! Брали бы драгоценности и проваливали подобру-поздорову. Столько раз твердили клиентам, что жадность фраеров губит, и даже не подозревали, что в один прекрасный день сами окажемся в этой незавидной роли. Как ни крути, а придется вернуть добычу ее законным владельцам при следующей встрече с ними. А куда деваться? Плохо то, что тогда на мне повиснет две трети долга Подвольского, а второй раз к нему за деньгами уже не попрусь. И не из-за опасения конфликта со внеземной «крышей» Адама. Ведь я лично заявил ему напоследок: теперь ты в расчете с «Алмазной Бригантиной». Нарушать данное мной слово я не намеревался, тем паче что Подвольский не раз предупредил меня о последствиях нашего поступка. Не поверил я Адаму Адамычу, а зря...

Ладно, расплачусь, я тоже парень не бедный. Не рассыплюсь, похожу годик без машины, пока на новую не заработаю. С деньгами надо расставаться легко – не этому ли принципу научил меня в свое время Бурелом? Сейчас моя первоочередная задача – выбраться отсюда, а проблему с армиллой как-нибудь утрясем. Если, конечно, еще не поздно все исправить...

Глава 4

– Шире шаг, товарищи буржуи! А ну подтянись! Или вы собираетесь целую неделю до города плестись? – то и дело подгонял прапорщик Хриплый арьергард нашей группы. Тихоходами являлись дядя Пантелей, певица Фрюлинг-Веснушкина и, как ни парадоксально, самый молодой участник марш-броска Паша Тумаков.

При всем своем молодецком гоноре зеленовласый студент оказался не слишком выносливым парнем. К тому же, как я и предсказывал, ему пришлось вдобавок к своему багажу буксировать за собой громоздкий дорожный чемодан Леночки, маленькие колесики которого не предназначались для качения по бездорожью. Как сообщила нам Веснушкина, вся ее труппа уехала из Горнилова на автобусах, но сама Леночка предпочла путешествовать поездом – на единственном транспорте, где чувствительную звезду не укачивало и где она могла нормально выспаться. Нам оставалось только посочувствовать ей в том, что сегодня вместо человеческого отдыха певице пришлось участвовать в малоприятной прогулке по пересеченной местности.

Я ожидал, что из-за пристрастия Банкирши к курению она тоже вскоре угодит в число аутсайдеров. Однако дамочка оказалась вовсе не изнеженной кралею. Она умудрялась не только шагать в ногу со мной и Охрипычем, но еще и смолить прямо на ходу. Из вещей у Агаты была лишь небольшая спортивная сумка, в которой Банкирша везла из Горнилова гостинцы от живущих там родителей – с ее слов, она регулярно навещала маму и папу раз в месяц. А я-то был убежден, что Агата – чистокровная уроженка краевой столицы! Да, редко встретишь женщину, что умела бы так ловко скрывать свое провинциальное происхождение.

Отрадно было видеть, что меня к буржуям Охрипыч не причислял. Поначалу я думал, что, обращая ко мне «браток», Хриплый тем самым иронизирует насчет моего дорогого гражданского костюма и бритого затылка; по глубоко укоренившемуся в народе мнению, то были характерные признаки принадлежности человека к криминальной среде. Но вскоре я уяснил, что в действительности простоватый прапорщик не вкладывает в определение «браток» никакого негативного смысла. Наоборот, в устах Охрипыча это слово звучало весьма уважительно и по-дружески. В тех кругах, где мне приходилось вращаться, его уже давно вытеснило беспардонное и похожее на плевок сквозь зубы «братан».

Мы выдвинулись в путь около четырех часов утра. К тому времени голоса «за» и «против» похода в город уже разделились как пять к одному. Последний, кто упорно не желал покидать дурное, по мнению большинства, место, был Пантелей Иванович. Он все время ссылаясь на служебные инструкции, что якобы запрещали проводнику бросать вверенный ему пост. Но скорее всего дядя Пантелей просто не горел желанием переться в такую даль, опасаясь неприятных сюрпризов, что могли возникнуть в дороге и доконать несчастного старика.

Сломить упрямство заложника служебного долга удалось только обаятельной Леночке. Взяв Иваныча за руку, она взглянула на него своими бездонными голубыми глазами и сказала, что раз уж дядя Пантелей был с ней в пути настолько вежлив и обходителен, то не будет ли он так добр сопровождать ее и дальше. Нет, конечно, она не настаивает, но если с дядей Пантелеем после нашего ухода вдруг случится беда, то она – Леночка – никогда не простит себе того, что по ее вине пострадал такой славный отзывчивый человек.

Веснушкина являлась хорошей артисткой, но в данный момент я ничуть не усомнился в ее искренности. Как и Иваныч. Растроганный словами девушки, он чуть было не прослезился и скрепя сердце дал свое согласие на участие в этом путешествии. Собрав свои пожитки и тщательно заперев на ключ сначала все купе, а затем вагонные двери, проводник спустился с подножки вагона на землю, словно капитан тонущего судна – в последнюю спасательную шлюпку.

– Ваша правда, уважаемые, – заметил дядя Пантелей, бросив прощальный взгляд на останки поезда. – Я должен находиться не здесь, а с моими пассажирами. Я тоже не переживу того, если эта милая девочка и вы угодите в неприятности. Поэтому будем держаться вместе. Надеюсь, в городе нам поверят и окажут помощь, а не обсмеют, как сумасшедших.

Опасения Иваныча звучали вполне резонно. А вдруг в местечке, куда зашвырнула нас нелегкая, испокон веков не было железных дорог? Попробуй тогда докажи представителям местной власти, что твой поезд потерпел аварию неподалеку от их города. Разобраться-то они, естественно, разберутся, но сколько идиотских расспросов и насмешек нам предстоит перед этим вытерпеть – трудно даже вообразить.

Первые несколько километров нашего пути пролегли по таким же лесистым холмам, какие окружали брошенный нами вагон. Мы с Охрипычем выполняли обязанности дозорных, следом за нами топала хмурая Банкирша, а уже за ней тянулись остальные. Иваныч никому не доверил свою ношу – пузатый кожаный портфель, похожий на тот, с каким двадцать лет назад хаживал на службу в НИИ мой папаша-конструктор. Леночка постоянно просила дядю Пантелея позволить ей ему помочь, но тот вежливо отказывался. Нагруженный двумя своими спортивными сумками и чемоданом певицы Тумаков обливался потом, однако не показывал вида, что ему тяжело. А когда Веснушкина оглядывалась на него, он даже улыбался. Надо отдать должное Леночке, она не забывала подбадривать своего носильщика ответной улыбкой, от которой у Свинга всегда открывалось второе дыхание. Правда ненадолго, после чего Охрипычу опять приходилось подгонять нерасторопного Пашу.

– Не отставай, студент! – нарочито бодрым тоном покрикивал на него прапорщик, видимо решив преподать Паоло ускоренный курс молодого бойца. – Или тебя что, в твоём ГИМО, кашей не кормят?

В ответ Тумаков лишь обиженно бурчал что-то под нос. Не потому, что не желал затевать с прапорщиком скандал насчет его специфических «кирзовых» шуточек. У Паши просто-напросто не оставалось сил, чтобы возмущаться в полный голос, и студент предпочитал не растрачивать их по пустякам.

Обогнув очередной холм, мы неожиданно столкнулись с первым серьезным препятствием. Сразу за холмом проходил широкий – метров десять – ров неопределенной глубины. Именно неопределенной, поскольку дна у рва рассмотреть не удалось. Оно скрывалось в непроглядной темноте, что начиналась на глубине порядка полусотни метров. Причем граница мрака являлась настолько резкой, что казалось, будто во рву налит расплавленный гудрон. А может, дно провала и впрямь было чем-то залито, вот только поверхность этой жидкости абсолютно не отражала свет. Отвесные и идеально гладкие стены рва уходили буквально в никуда, словно недорисованное изображение на черном холсте.

Ров протянулся в длину как минимум на пару километров – отсюда не было видно ни его начала, ни конца. Но проблема переправы через непонятное сооружение не возникла. Мы вышли прямо к мосту, оказавшемуся аккурат на нашем пути, неширокому железному мосту без перил и каких-либо опор. А еще точнее – обычной стальной плите, переброшенной с одного края провала на другой. Конструкция моста была донельзя примитивной и оттого крайне непривычной. На обоих его концах стояло по шлагбауму, которые в данный момент были открытыми. Видимо, когда-то здесь находился пропускной пункт, со временем отслуживший свое и потому заброшенный, а перила, скорее всего, срезали уже потом нелегальные сборщики черного металла.

Какое, однако, удачное совпадение: мы двигались по бездорожью и могли выйти ко рву в любом месте, а очутились именно тут. Других же мостов поблизости не наблюдалось. Как, вероятно, и дорог – вряд ли бы тогда наш мост был построен вдали от них.

– Чем, интересно, вырыли этот «окоп»? – спросил Охрипыч, осторожно приближаясь к обрыву и заглядывая в провал. – Даже в ГДР, где я по молодости срочную служил, тамошние

землекопы таких аккуратных траншей не копали. А тут гляньте: хоть бы камешек со склона осыпался! Срез почвы виден, как под стеклом, чес-слово.

– Наверное, здесь поработала та же шутовина, что распилила наш поезд, – высказал вполне здравую версию запыхавшийся Тумаков. – Гигантская аннигилирующая установка, что испаряет землю или телепортирует ее в другое место. Таким оружием легко и поезд вместе с рельсами и столбами уничтожить. Возможно, стрелочник на ближайшей станции что-то напутал и направил нас не по той железнодорожной ветке. А она вела на военный полигон для испытаний секретного оружия, типа штатовской «Зоны-51», причем прямо на стрельбище. Где мы с вами случайно и попали под раздачу. Бабах, и нет поезда. Блин, как все, оказывается, элементарно, а я-то голову парил! Зато теперь мы вправе требовать у правительства крутую денежную компенсацию за моральный и материальный ущерб. А если вдобавок выяснится, что нас облучили какой-нибудь заразой, так еще можно будет и пожизненную пенсию каждому выбить! В валюте! Короче, надо поднять шумиху и предъявить корпоративный иск сразу МПС и Министерству обороны...

– Ишь ты, какой грамотей выискался, – оборвал Пашу прапорщик. – Чего удумал: секретный полигон!.. Нет у нас в краю таких полигонов. Уж поверь, студент, я это точно знаю.

– Ага-ага, точно так же и американские военные журналистам талдычат: «О чем это вы? Какая «Зона-51»? Не знаем никакой такой зоны!» – закивал Тумаков, довольно потирая руки. – Но ведь вам и положено это отвечать, когда речь заходит о военной тайне! Было бы намного удивительней, признай вы сейчас, что я прав. Поэтому, чем больше вы, Архип Семенович, отпираетесь, тем больше нам кажется...

– Вам кажется, юноша! Нам пока ничего не кажется! – огрызнулась Агата. – Достал уже своими бестолковыми догадками! Лучше придумай, что в объяснительной будешь писать, когда придется за прогул отчитываться. «Я, Тумаков Павел, не приехал на сессию потому, что наш поезд был обстрелян из секретной пушки, которая забросила меня на полигон с летающими тарелками...» Прямо как маленький, елки-палки! Не все ли нам равно, что здесь за яма? Мост есть, и хорошо. Вперед!

И, перевесив поудобнее на плече сумку, уверенно, не оглядываясь, зашагала к переправе.

– Термоядерная баба, хоть и прикидывается снежной, – толкнув меня плечом, вполголоса заметил Охрипыч вслед Банкирше. – С характером. К такой на хромой кобыле не подъедешь. Эх, был бы помоложе и при деньгах, непременно приударил бы за Юрьевой.

– И впрямь, не тетка, а настоящая терминаторша, – поддакнул ему Свинг. – Только нервная какая-то. И вообще не в моем вкусе.

– Э-э, да чтоб ты в этом вопросе понимал, студент, – отмахнулся от него прапорщик и, обернувшись на переводивший дух арьергард, бросил: – Ладно, нечего прохлаждаться. Пару километров еще пройдем, а потом передохнем с полчаса. Как ты, батя? Сдюжишь?

– Рановато вы, Архип, меня в старые развалины записали, – с укоризной ответил дядя Пантелей. – Я, к вашему сведению, свои дачные шесть соток до сих пор без помощников вручную лопатой перекапываю и за грибами-ягодами тот еще ходок.

– Да это я, батя, для проформы спросил, – пояснил Хриплый. – Я ведь вижу, ты из тех стариков, кто жаловаться не привык, вот и решил участие проявить. У меня отец такой же, как ты, упрямец был: два инфаркта на ногах перенес, но так до смерти и не дал себя инвалидом признать... Матерый был человечище, куда матерее Льва Толстого...

Когда мы ступили на переправу, «терминаторша» уже почти добралась до противоположного берега. Однако не успела она сойти на твердую землю, как вдруг шлагбаум перед Агатой резко опустился и преградил ей путь. Упав эта толстая железная труба мгновением позже, и она точно съездила бы Банкирше по темечку.

– Эй! – возмутилась Агата, отпрыгнув назад. – Что за идиотизм! Предупреждать же надо! А если бы по голове?.. Кто это сделал? Я что, невнятно спросила? А ну иди сюда, шутник несчастный!

За спиной плетущегося позади всех Тумакова лязгнул по уключине второй шлагбаум. Никакого электронного механизма на нем не наблюдалось, и потому было решительно непонятно, кто и каким образом вздумал над нами подшутить. Мы замедлили ход и начали в замешательстве озиаться. Неужели студент прав и здесь действительно расположена закрытая для свободного прохода территория? Но что за эксперименты на ней проводятся?

Шутники не заставили себя долго ждать. Как только мы догнали Банкиршу, тут же перед шлагбаумом словно из-под земли нарисовались три человека. Их одинаково неказистые, сутулые фигуры наводили на мысль, что троица сплошь состоит из близких родственников – возможно, братьев. В отличие от моих спутников я был знаком еще с одним членом этой семейки, который в данный момент здесь отсутствовал. Речь, естественно, шла о безликом Рипе – таком же уродливом и бесцеремонном ублюдке, как и эта братия. Разве что с лицами у них был полный порядок да одежда выглядела попримичнее, но в остальном фамильное сходство отчетливо прослеживалось.

Неизвестно, что случилось с лицом у Рипа, но на его месте я бы не слишком переживал об утрате такой физиономии: вытянутая, как в кривом зеркале, с непропорционально большими глазами, курносый до абсурда носом – ни дать ни взять, поросячий пятачок! – полным отсутствием губ и ярко выраженной *прогнатией* – аномалией прикуса, при которой верхняя челюсть выступает вперед гораздо дальше обычного. Плюс ко всему косматая троица, похоже, тоже слухом не слыхивала ни о парикмахерских, ни о шампунях. В темноте я бы ни за что не отличил этих горбунов друг от друга. Но при свете дня (или в нашем случае – «зависшего» утра) кое-какие индивидуальные черты в каждом из них все же были заметны.

Одежда незнакомцев была напрочь лишена вкуса. Казалось, что она скроена по тем лекалам, на которых портные еще только осваивают азы своей специальности. Куртки, рубахи, штаны – все сшито примитивно и без изысков. Даже полевая форма нашего прапорщика в сравнении с одеждой горбунов казалась шедевром швейного искусства. С ботинками у них творилась похожая беда. Массивные, с тупыми квадратными носами, это были такие же, как у Рипа, «шлакоблоки» неимоверного размера, больше походившие не на приличную обувь, а на колодки каторжников.

При виде уродливой компании Банкирша растерянно попятилась. Неизвестно, с кем она собиралась учинить скандал, но только не с пучеглазыми мутантами, что, по всем приметам, дали деру из циркового фрик-шоу. Я обернулся, полагая, что увижу позади еще одну группу горбунов – загонять в ловушку, так по всем правилам, – но, вопреки опасениям, наш тыл оставался открытым. Однако что означал этот спектакль со шлагбаумами? Арест или всего лишь сбор дорожной пошлины?

– Кто вы такие? – стараясь вернуть голосу прежнюю уверенность, спросила Агата горбунов. – И что за выходки вы себе позволяете?

– Шестеро! – подытожил один из вертухаев, пересчитав нас взглядом. Горбун говорил с товарищами, а не с Банкиршей, которую, кажется, в упор не замечал. – Что-то мало шатунов для одного прорыва. Я думал, их будет как минимум сотня. После такой-то волны!

– Зато посмотри: они держатся вместе и движутся синхронно! – добавил второй. – Это уже нечто новенькое! Ведут себя так, словно разумные. И не припомню, Бик, когда в последний раз я наблюдал подобное за шатунами.

– Какой разум, о чем ты, Гус? – хохотнул третий. – Это у себя в Проекции они были разумными, а здесь шатуны – безмозглые сгустки живой материи, что просто сбились в кучу и двигаются на Свет.

– Взгляни-ка на этого, Рив. – Гус указал на пунцовую от возмущения Банкиршу. – Да ведь он же пытается нам что-то сказать!

– О, наконец хоть кто-то меня расслышал! – Агата театрально воздела руки к небу. – Да, у меня есть, что вам сказать! Или сейчас же дайте нам пройти, или отвечайте, на каком таком основании вы нас не пропускаете!

Но вертухаи будто сговорились не обращать на Банкиршу внимание.

– Вот интересно, о чем таком важном нам может поведать шатун? – Бик задал вопрос откровенно издевательским тоном, отчего сразу стало ясно – Гус сморозил несусветную глупость. – Лежит себе в Шлюзе да попискивает, как обычно. Ты еще скажи, что твой говорящий шатун знает о своей скорой отправке в Беспросветную Зону и умоляет тебя не делать этого!

– А давай ради интереса послушаем, что он пищит, – предложил обсмеянный Гус.

– Сроду не занимался такими глупостями, но раз ты настаиваешь... – Скептик Бик пожал плечами и, перегнувшись через шлагбаум, вылупил свои глаза на Агату, как царь – на подкованную Левшой блоху.

Банкирша, естественно, не желала играть роль подопытного экспоната и снова повторила вертухаю свои требования. Только на сей раз они были озвучены более суровым тоном и дополнены угрозами пожаловаться кому следует в краевой администрации – согласно заверениям Агаты, у нее там имелись обширные связи. Мы с прапорщиком пока не вмешивались, но на всякий случай подошли к парламентарше поближе. Мне и Охрипычу очень не понравился взгляд, каким горбун пялился на Банкиршу. Если мы встретили каких-то ведомственных охранников, вряд ли они стали бы в открытую издеваться над нами, находясь при исполнении. Я же вдобавок предположил, что к Рипу эта троица не имеет никакого отношения, – иначе горбуны толковали бы сейчас со мной, а не с Агатой. А раз так, следовательно, вопрос о возврате армиллы на повестке дня не стоял.

Выслушав разгневанную женщину, Бик недоуменно посмотрел сначала на Гуса, затем – на Рива, после чего ошарашенно вымолвил:

– Это совершенно невероятно, но вынужден признать, что Гус прав. Нам и впрямь попался говорящий разумный шатун. Мало того, он не только разговаривает, но еще и видит нас! Иначе как объяснить, что он требует от меня пропустить его в Карантинную Зону?

– Наверное, это один из недавних ссыльных, который по ошибке был катапультирован не в Беспросветную Зону, а в ту Проекцию, что сегодня погасла, – предположил Рив. – Поэтому он еще не научился видеть и слышать, как мы.

– Такие ошибки исключены, – возразил Бик. – Катапульта – единственная система Ядра, которая работает без сбоев. Пожалуй, мы действительно наткнулись на уникального шатуна. Но, в конце концов, разве его Проекция тоже не считалась самой уникальной и сложной из всех? Неизвестно пока, что за сбой ее уничтожил, но другой такой Проекции в ближайшее время Держателю не создать, это точно.

– Теперь ясно, почему эти шатуны движутся синхронно, – заметил Гус. – Один разумный просто тащит за собой пятерых обычных. Предлагаю захватить умника для исследования, а остальных катапультировать по стандартной процедуре.

– Согласен, – кивнул Бик. – Желательно, конечно, было бы отправить на изучение всю шестерку, но это чересчур хлопотно. Да и за уникама, боюсь, нас не похвалят – много ли от него проку? Но если хоть немного скостят срок до перевода в Ядро, и то хорошо. Ладно, я беру вожака, а вы займитесь остальными. Приступим...

Я как чуял, что наша встреча с горбунами завершится чем-то подобным – видимо, сказывался опыт общения с их родственником. Получив приказ, Гус и Рив вытащили из-под курток маленькие железные дубинки, которые в руках вертухаев тут же превратились в длинные – больше человеческого роста – копья. А пока приятели вооружались, Бик дотянулся до Агаты, схватил ее за шкирку и, будто игрушечную, перебросил женщину через шлагбаум на берег.

Я, Хриплый, а за нами и дядя Пантелей кинулись на выручку Банкирше. Но Гус и Рив выставили перед собой копыя и, образовав на выходе с моста заслон, придержали нас на месте.

– Ты глянь, за вожаком потянулись, – хохотнул Рив. – Неужели и эти тоже разумные?

– А ну отпусти женщину, мудозвон! – сжав кулаки, набылчился прапорщик. – Или думаешь, я твоей железной удочки боюсь? Руки прочь от Агаты Юрьевны! Кому говорю, выродок горбатый!

– Верещат чего-то, – доложил Гус Бику.

– Пускай верещат, – отозвался тот, хватая яростно брыкающуюся Агату под мышку. – Гоните их к Катапульте. Чем быстрее очистите Шлюз, тем лучше.

Так же, без чьего-либо вмешательства, шлагбаум открылся, и горбуны с копьями наперевес ступили на мост. А затем двинули на нас, вынуждая меня, прапорщика и остальных попятиться к лишенному перил краю моста. Какая участь ожидала «обычных шатунов», было ясно безо всяких комментариев. Копья с одной стороны, зловещая темнота – с другой... Небогатый выбор.

Впрочем, выбирать из двух зол мы и не собирались. Горбуны перли на нас нахрапом, явно полагаясь на то, что мы убоимся копий и попрыгаем вниз, предпочтя покончить жизнь самоубийством. Непонятно, с чего вдруг Гуса и Рива посетила такая уверенность. Видимо, в прошлом эта примитивная устрашающая тактика всегда срабатывала.

Но не сегодня. Едва вертухаи выказали нам свои агрессивные намерения, я и прапорщик, не сговариваясь, рванули в яростную контратаку. Мы предпочитали столкнуться с врагом на середине моста, а не у опасного края. Охрипыч при этом разразился шквалом такой свирепой брани, что ее тонизирующий эффект встряхнул даже меня.

Разъярившись не на шутку, я отшвырнул кейс и встретил несшегося на меня Гуса резким финтом и классическим хуком справа. Копье ударило в пустоту, а на короткой дистанции пользы от него уже не было. Мощный удар в челюсть не свалил массивного горбуна, по прошлому опыту я знал, что члены этой уродливой семейки – стойкие бойцы, с которыми довольно тяжело драться на кулаках. Поэтому, не останавливаясь, я отскочил Гусу за спину и крепко схватил его за ворот куртки. После чего, не давая противнику развернуться, подпрыгнул и двинул что было мочи локтем по вражескому затылку. И напоследок, не разжимая хватки, заехал три раза подряд коленом горбуну по почкам. Это, конечно, было уже не по благородным правилам, так ведь противники сами бросили нам вызов на таких бескомпромиссных условиях.

Каким бы крепышом ни был Гус, устоять на ногах после стольких сокрушительных ударов он не сумел. Почувствовав, что противник падает, я помог ему в этом и лишь потом отпустил ворот его куртки. Когда же вертухай рухнул на колени, я нанес ему по затылку повторный удар, только на сей раз каблуком. Не на того нарвался, копьеметатель хренов! Лингвист и не таких «легкоатлетов» обламывал!

А вот Охрипычу в этом бою пришлось туго. Знакомый с приемами штыкового боя, Хриплый тоже без усилий увернулся от разящего копья, однако с выбором дальнейшей тактики мой соратник прогадал. Желая обезоружить Рива, прапорщик вознамерился швырнуть горбуна через бедро и, пока тот падает, вырвать у него из рук копьё – именно так Охрипыча обучали отбирать вражеские автоматы. Но Рив слишком крепко вцепился в оружие и, падая, увлек за собой худошавого прапорщика. А в партере с таким верзилой он был уже не борец.

Заработав от горбуна увесистую затрепщину, Хриплый отлетел к краю моста. А пока он приходил в себя, Рив вскочил на ноги и бросился добивать противника. Но вместо этого получил между лопаток копьё своего товарища, брошенное мной с расстояния в три шага...

Я едва не опоздал на выручку угодившему впросак Охрипычу, надеясь поначалу лишь оглушить Рива трофейным оружием, как оглоблей. Но, поняв, что горбун доберется до прапорщика прежде, чем я вмешаюсь, размахнулся и метнул копьё в цель. И пусть раньше мне доводилось делать это лишь в далеком детстве, играя в рыцарей и индейцев, кое-какие мета-

тельные навыки у меня все же остались. Острие с хрустом вонзилось Риву в спину, отчего тот прогнулся, захрипел и грохнулся ниц в шаг от Хриплого.

Веснушкина пронзительно закричала. Да и как Леночке было не испугаться, когда у нее на глазах случилась столь жестокая «мокруха». Мне и самому на миг стало дурно от того, что я совершил. Но задумываться о последствиях было некогда – вторая наша красавица все еще находилась в лапах чудовища, которое могло сделать с ней все, что угодно.

Зарядив для пущей гарантии оглушенному Гусу ботинком в скулу, я кинулся на берег, где Бик пытался укротить строптивую Банкиршу. Агата же умудрилась каким-то образом вырваться из вражеских рук и бросилась было наутек. Но резвый, как молодой гамадрил, горбун в один прыжок настиг беглянку и теперь пытался ее утихомирить. От побоев Банкиршу спасало лишь то, что она являлась для Бика уникальным экспонатом – неким разумным шатуном. В противном случае ей, как и нам, непременно досталось бы на орехи.

Следом за мной уже бежал brave прaporщик с трофейным копьём на изготовку. Меня это немного обнадежило – не очень-то хотелось связываться с Биком в одиночку. Наше счастье, что Гус и Рив оказались чересчур самонадеянны, за что и поплатились. Однако теперь, когда заводила этой банды понял, что мы не лыком шиты, нам следовало готовиться к отчаянному сопротивлению.

Вот ведь как порой бывает: едешь себе в какой-нибудь заштатный городишко страсти должок с местного барыги и не ведаешь, что через сутки тебе придется участвовать в охоте на настоящих монстров...

Увидев нас, Бик выпучил и без того огромные глазищи, придавил пленницу ногой к земле и шустро выхватил из-за пазухи складное копьё. Но когда оно оказалось у горбуна в руке, тому в лицо уже смотрел ствол моего «зиг-зауэра».

– Бросай пику! – гаркнул я, стараясь отчетливо выкрикивать каждое слово. По опыту общения с этими горбунами было очевидно, что у них серьезные проблемы со слухом. – Бросай, тебе говорят!

– Мы ошиблись: они и впрямь все разумные, – проговорил Бик. – Шесть разумных шатунов! В Карантинной Зоне! Какой ужас!

И замахнулся копьём. Чего он хотел – метнуть оружие в нас или прикончить пленницу, – я выяснять не собирался. Расстояние до врага было небольшое, и ничто не загораживало мне цель. Я всадил Бику пулю в глаз с первого же выстрела. Она снесла горбуну полчерепа, и моя вторая жертва завалилась навзничь подле Банкирши. К раскрасневшемуся от борьбы лицу Агаты прилипли ошметки вражеского мозга, но она этого даже не заметила. Шустро вскочив с земли, Банкирша в испуге кинулась прочь от трупа, словно он должен был вот-вот взорваться.

Прaporщик отбросил копьё и поспешно изловил Агату за руку – ослепленная страхом женщина могла ненароком сорваться с обрыва в ров.

– Стоять, не дергаться! – осадил Охрипыч «терминаторшу», которая в данный момент не отдавала отчета своим действиям. Агата начала было брыкаться, но быстро сообразила-таки, кто ее держит, после чего уgomонилась.

– Эй, сюда! Сюда, скорее! Спасите!..

Не успел я прийти в себя после очередного убийства, как вновь несся сломя голову на зов о помощи. Кричали на мосту, причем теперь Леночке вторили ее старый и молодой опекуны. «Рехнуться можно, – мелькнуло у меня в мыслях. – Столько крови за одно утро... Да когда же это закончится!»...

Новую панику навел Гус. Он на удивление быстро пришел в себя, несмотря на то, что его голова выдержала несколько нокаутирующих ударов подряд. Когда я взбежал на мост, горбун уже стоял на ногах, выдирал копьё из спины поверженного товарища и не сводил остервененного взгляда с Веснушкиной, дяди Пантелея и Тумакова. Как и в прошлый раз, Паша самоот-

верженно прикрывал собой Леночку, а Иваныч не менее самоотверженно защищал их обоих. Гус мог при желании легко насадить всю троицу на одно копьё, как перепелов – на вертел.

Я не стал стрелять – побоялся, что впопыхах зацеплю кого-нибудь из спутников, – поэтому, как бежал, так и врезал с ходу каблуком в спину горбуна.

Гус поздно догадался, кого из «шатунов» ему следует опасаться в первую очередь. А когда догадался, то уже летел с моста во мрак с воплем, в котором было столько отчаяния, что у меня мурашки побежали по коже. Горбун не издал ни звука даже тогда, когда я пинал его по почкам. Похоже, теперь в удаляющемся вопле врага вырвалась наружу вся его боль – и пережитая, и та, что еще ожидала Гуса во мраке пропасти...

Ну и подфартило мне сегодня, думал я, переводя дух и глядя вслед канувшей в провале моей третьей жертве. Если налетчики состояли в какой-нибудь местной организованной преступной группировке, то-то развеселая жизнь грозила настать для меня со дня на день. Пристрелил я в поезде Рипа или все-таки нет, еще неизвестно, но насчет гибели банды горбатых можно было не сомневаться.

Впрочем, предсмертный полет Гуса подкинул мне весьма недурную идею, как избавиться от тел. Конечно, было бы нелишне избавиться заодно и от свидетелей... Ну нет, это, пожалуй, чересчур! Мыслимое ли дело: убить пятерых человек, чтобы они не рассказали никому, как я убил троих мерзавцев, которых пришлось прикончить, спасая жизни этим пятерым...

Прямо театр абсурда какой-то! Я что, по-вашему, вконец спятил?.. Да вроде бы нет. Ну а раз нет, значит, нечего даже думать о том, чтобы поднять руку на моих товарищей по несчастью...

И какой только вздор не втемяшится в разгоряченную голову!..

Несмотря на наш с прапорщиком «паевой» вклад в борьбу с кучкой горбатых отморожков, моя и без того сомнительная репутация стала с той поры еще сомнительней. Охрипыч, Свинг, Банкирша, Леночка и дядя Пантелей словно прочли мои шальные мысли, в которых я избавлялся от товарищей как от опасных свидетелей, после чего и стали чураться меня как кровожадного маньяка...

Нет, конечно, никто из них на самом деле телепатом не являлся (или, по крайней мере, не признавался в этом) и не мог ни прочесть, ни даже угадать мои мысли. К тому же я изгнал их из головы сразу, как отошел от края моста. Причина возникшей между мной и спутниками неприязни крылась в другом.

Пока они с жаром обсуждали на берегу очередное происшествие – особо неистовствовали, естественно, Банкирша и Охрипыч, коим в этой драке досталось больше всех, – я надел перчатки и начал методично уничтожать за собой улики. Само собой, что опытного криминалиста мои уловки не провели бы. Но путешественники, которые могли пройти здесь после нас, вряд ли заподозрили бы, что на мосту случилось тройное убийство. Вдобавок на руку мне играло и то, что из мертвецов, как и в случае с Рипом, тоже не вытекло ни капли крови. Это косвенно подтверждало мои догадки о внеземном происхождении странных агрессивных горбунов.

Я педантично соскреб с земли кусочки черепа и мозга Бика и внимательно изучил их. Кость как кость, а вот бескровная плоть хоть и имела нормальный «человеческий» цвет, на ощупь напоминала хорошо отжатую губку – влажную, но мокрых следов почти не оставляющую. Занятно. Так с кем же я все-таки, черт побери, столкнулся?

Оружие инопланетян выглядело предельно просто и походило на спортивные копыя – подобие гигантских игл, без каких-либо технических наворотов. Правда, с одним «но»: я своими глазами видел, как копыя без труда помещались у врагов за пазухой. Каким образом раскладывались эти, на вид примитивные, словно лом, орудия, было абсолютно необъяснимо. Брать их с собой являлось бессмысленным и даже опасным. Вдруг нам навстречу попадетс

другая, менее агрессивная группа горбунов, с которой можно будет разойтись по-мирному? Попробуй-ка сделай это, держа в руках трофейное оружие на боевом взводе.

Мне посчастливилось отыскать даже пулю, что разнесла голову Бику. Сплюснутый свинцовый комочек застрял в толстой коре ближайшей сосны. Выколупав его, я не стал выбрасывать эту улику в пропасть, а сунул пулю в карман, намереваясь избавиться от нее подальше отсюда.

– Что это вы делаете, Глеб Матвеевич? – всплеснула руками Леночка, заметив, как я за ноги волоку тело Бика к мосту. Судя по подслушанному мной краем уха разговору, товарищи уже собрались выразить мне коллективную благодарность. Однако при виде того, чем я занимаюсь, они вмиг прикусили языки и устали на меня с искренним изумлением.

– Избавляю вас и себя от ненужных проблем в будущем, – ответил я, продолжая буксировать, надо заметить, отнюдь не легкий труп. Помогать мне, естественно, никто и не подумал. По инициативе Агаты наша подвергшаяся нападению компания решила написать по пути в город заявление в милицию. Мое же откровенно противоправное замечание следов шло вразрез с планами товарищей и оттого вызвало общее неодобрение. Правда, только словесное. Препятствовать мне чинить беззаконие силой желающих не отыскалось. Как, впрочем, и открыто скандалить – совесть у этих людей все-таки была.

Качая головами и охая, спутники с угрюмыми минами пронаблюдали, как я сталкиваю в провал трупы и швыряю во мрак трофейные копья. Что ни говори, тяжело избавляться от мертвецов в компании законопослушных граждан, чьи укоризненные взоры, того и гляди, пробудят твою давным-давно спящую в анабиозе совесть. А она и так в последнее время что-то слишком часто стала ворочаться. Как бы и впрямь не проснулась, мерзавка. Только сейчас мне ее не хватало, в нагрузку к высокоморальным попутчикам!

– Поверьте, так будет лучше для всех нас, – заявил я товарищам в свое оправдание. И чего расшаркиваюсь, спрашивается? Рыкнул бы на них, и дело с концом... – Забудьте о милиции – к чему нам эти лишние разбирательства? Будто с поездом проблем недостаточно. Ублюдки сами нарывались, вот и допрыгались. И вам я настоятельно советую держать язык за зубами. Это вовсе не угроза, а обычная дружеская рекомендация. Давайте сделаем так, чтобы все, что тут произошло, осталось нашей маленькой общей тайной. Идет?

В ответ – лишь угрюмое молчание. Да, чую, хлебну я с вами горя, господа. В такой ситуации и один свидетель – помеха. А столько, сколько их у меня, – это уже пятикратный форс-мажор. И потому, если все же выберусь из этой заварухи чистеньким, буду считать, что выиграл в своей лотерее-жизни настоящий джек-пот.

– Похоже, вы знаете что-то такое, о чем мы не догадываемся, – многозначительно прищурившись, заявила Банкирша. Я еще в поезде понял, что за этой хитрой бестией нужен глаз да глаз. Судя по ее настороженному ко мне отношению (на прочих наших попутчиков Агата посматривала с нескрываемой снисходительностью), она думала обо мне точно так же.

Мы с Банкиршей были двумя матерыми хищниками в одной стае. Мы почти открыто презирали друг друга, скалили зубы по поводу и без, однако в драку упорно не вступали. Каждый из нас опасался вовсе не клыков соперника. Просто мы знали, что, когда наступит время охоты, нам волей-неволей придется действовать сообща, в одной команде. Поддержание этого пусть худого, но мира являлось для нас необходимым условием общей победы. Поэтому мы и сохраняли между собой взаимовыгодный паритет, поскольку оба терпеть не могли проигрывать.

– Если и знаю, то ненамного больше вашего, – уклончиво ответил я, после чего все же слегка приоткрыл карты: – Мне уже приходилось сталкиваться с этими людьми. Прошлая наша встреча завершилась не лучшим образом.

– Случайно не у меня ли в вагоне вы с ними дрались? – полюбопытствовал дядя Пантелей, который быстро сопоставил факты и связал концы с концами.

– Это что, перекрестный допрос? – буркнул я, но, поскольку ругаться с Иванычем мне не хотелось, предпочел признаться: – Да, дядя Пантелей, тот исчезнувший человек действительно был похож на этих троих. И он тоже пытался меня убить.

– Не иначе, браток, у тебя с ними какие-то счеты, – включился в дознание прапорщик. – И, судя по всему, крупные.

– Не понимаю, о чем ты, Охрипыч, – изобразил я недоумение. – Если у них и есть с кем-то из нас счеты, то явно не со мной. – Я кивнул на Банкиршу: – Это с Агатой горбатые хотели потолковать по душам, а от меня, тебя и остальных собирались избавиться. Может быть, в поезде эти уроды просто не в то купе заглянули?

Банкирша отреагировала на мое вопиющее и полностью надуманное обвинение весьма бурно. Обозвав горбунов извращенцами, а меня «по старой дружбе» – всего лишь бессовестным человеком, Агата разгромила мою лживую, но не лишенную логики теорию на корню. Контрдоводы у «терминаторши» были железные. Она крыла тем, что я здесь – единственный, кто заинтересован в избавлении от улик. А вот Агата и прочие намеревались поступить согласно букве закона и подключить к расследованию этого преступления местные органы правопорядка.

– Не удивлюсь, если выяснится, что вы, Глеб, причастны еще и к крушению поезда! – заявила Банкирша напоследок. Метко и безапелляционно, словно вогнала гвоздь в крышку моего гроба. И никакого тебе спасибо за помощь. Вот и спасай после этого благородных дам из лап извращенцев! Так и чесался язык заявить в ответ: «Не по понятиям ведете себя, милочка, ой, не по понятиям...»

Оскорбительный выпад Банкирши запал в душу не только мне, но и остальным. Теперь на меня смотрели чуть ли не как на вражеского пособника и виновника постигших нас бед. Даже дядя Пантелей угодил под груз этих сомнений и не мог скрыть свое ко мне подозрительное отношение. Разве что Охрипыч все же поблагодарил меня за то, что я успел вовремя проткнуть его несостоявшегося убийцу копьем. Но и Хриплый выразил мне признательность с оглядкой на остальных – очевидно, беспокоился, что спутники вдруг решат, будто прапорщик надумал вступить в сговор с недобропорядочным гражданином Свекольниковым.

«Да и клал я на всех вас с прибором! – раздраженно подумал я, дистанцировавшись от этого неблагодарного сообщества. – Доберемся до города, и поминайте, как звали. В конце концов, нам с вами детей не крестить. А решите сделать меня козлом отпущения, так это еще постараться надо. Уйду в «несознанку», найму адвоката, и тогда попробуйте припереть Лингвиста к стенке за отсутствием прямых доказательств его вины. Ишь чего удумали: поезд на меня повесить! Не выгорит!...»

Впрочем, если по совести, то насчет поезда Агата явно была права – к аварии на железной дороге Лингвист имел непосредственное отношение. Я искренне надеялся, что в передней части поврежденного вагона – где бы тот сейчас ни находился – тоже обошлось без жертв, а сам поезд не сошел с рельсов. Заносить в список собственных грехов такой ощутимый довесок мне не хотелось.

В тот момент я и не ведал, что на мне уже висит столь чудовищный грех, в сравнении с которым крушение поезда выглядело как поджог скворечника рядом с Хиросимой и Нагасаки, вместе взятыми...

Глава 5

Что бы вы сделали, если бы в одно прекрасное утро проснулись и обнаружили у себя за окном не привычный земной пейзаж, а например, лунный или марсианский? Небось долго терли бы глаза и щипали себя за чувствительные места, надеясь побыстрее проснуться и возвратиться в привычную реальность. И каков последовал бы вывод, когда бы выяснилось, что все эти самоистязания вам не помогают?

На наше счастье, мы успели морально подготовиться к новым чудесам, а к старым в некотором смысле даже привыкнуть. За всех своих спутников, конечно, не поручусь, но, по крайней мере, когда настала пора нам снова удивляться, никто из нас не впал в столбняк или истерику. Очередной фортель судьбы был воспринят нами почти с олимпийским спокойствием, и даже самые экспрессивные члены нашей компании сумели сдержать эмоции. Лишь прапорщик изрек дежурный комментарий, помянув всеу чью-то мать.

Чью конкретно, он не уточнил. Поэтому я решил, что Охрипыч адресовал ругательство не кому-либо из нас, а озеру, на берег которого мы только что вышли. Оно серебристой гладью раскинулось до самого горизонта и не походило ни на одно из известных мне озер. А тем более морей, ибо где это видано, чтобы на морях не было волн, даже небольших. Как, впрочем, и на любых других подобных водоемах.

Вместо волн, что при любой погоде должны были накатывать на берега этого огромного озера, по его поверхности носилась лишь мелкая хаотическая рябь. Чем она была вызвана, неизвестно – ветра мы до сих пор так и не ощущали. Но самым непривычным явилось полное отсутствие даже мало-мальского прибоя, который непременно оживил бы своим плеском здешний безмолвный пейзаж. Озерные воды – с виду обычной консистенции жидкость, вовсе не густой кисель – замерли у берега без малейшего движения. Это действительно была гладь, и если бы не рябь, поверхность воды и вовсе выглядела бы ровной, как зеркало. Не иначе, местный Нептун страдал дистрофией и был не в силах встряхнуть широкий полог своего обиталища.

Наши небольшие запасы питья иссякли еще в пути, и потому все мы дружно потянулись к воде. Подозрения насчет нарушенной экологии озера не оправдались. Вода оказалась самая что ни на есть обычная: пресная, холодная и кристально чистая. В общем, именно то, что и требовалось разморенным усталостью путникам. А волны... Да черт с ними, с волнами. В конце концов, ведь не ими мы пришли сюда любоваться. Отсутствие волн, чаек и парусов на горизонте могло разочаровать разве только чью-нибудь возвышенную поэтическую натуру. Если среди нас и присутствовали поэты, после пережитых злоключений им было вовсе не до романтики.

– А это типа и есть город? – спросил студент, обессиленно плюхнувшись на прибрежный песок и указав на утес, который находился по левую руку от нас. Выпирающий в озеро участок суши напоминал по форме гигантский корабельный нос, на котором могло бы разместиться два футбольных поля. Место было довольно экзотическим, поэтому неудивительно, что оно не пустовало. На оконечности мыса, над самым обрывом, возвышалось большое здание. Его остроугольный контур в точности повторял контур утеса, от чего строение походило на знаменитый нью-йоркский «Утюг». Мне не доводилось видеть эту старейшую американскую высотку наяву, но я полагал, что размеры нашего «утюга» приблизительно такие же, как у его прототипа.

Кроме габаритов и формы, больше ничего общего у этих сооружений не было. В обнаруженном нами на пустынном берегу здании имелся всего один ряд сводчатых окон. Зато все они были просто огромными и опоясывали по периметру верхнюю четверть «утюга». А между окнами и фундаментом проходила сплошная стена, выложенная, как и оконные простенки, из

тщательно подогнанных друг к другу тяжеленных – явно не меньше тонны каждый! – гладко отесанных булыжников.

Экзотический строительный материал придавал постройке ярко выраженный помпезно-монументальный вид. Наверняка она входила в число здешних архитектурных достопримечательностей. Но не Калиногорского края, это точно. Я был уверен, что знаю все более-менее знаменитые краевые памятники старинного зодчества. Об этом уникальном циклопическом сооружении ни я, ни мои спутники никогда не слышали.

Несомненно, перед нами находилось то самое здание, верхушку которого я разглядел с холма, когда пытался настроить мобильную связь. И, как уже выяснилось, других домов – ни больших, ни маленьких – поблизости не наблюдалось. Огромные окна-витражи «утюга» были не застеклены, а вокруг него отсутствовали все признаки цивилизации. Здание пустовало, что было заметно еще издали. Мы прошагали порядка пятнадцати километров, выдержали сражение со здешними бандитами, и, выходит, все это оказалось напрасно? В какую сторону двигаться теперь, мы не имели ни малейшего понятия.

– Если внутри этого дома есть лестница на крышу, надо забраться наверх и сориентироваться, куда идти дальше, – высказал прапорщик конструктивную идею. Я хотел раньше его предложить то же самое, но промолчал, поскольку в последние часы со мной все равно никто не разговаривал. Никакой открытой размолвки с товарищами у меня вроде бы не случилось. Но после истории с уничтожением улик и данной мной свидетелям рекомендации помалкивать спутники начали меня сторониться. Поэтому я тоже не стремился навязываться им в друзья, хотя их отчуждение вполне понимал и не обижался.

Утолив жажду и ополоснув прохладной водой разгоряченные физиономии, мы подобрали манатки и потопали к крепости; именно так я стал называть это неприступное сооружение. Подойти к «утюгу» можно было только с одного направления. В выходящей на берег широкой «корме» здания имелись решетчатые ворота. Довольно-таки небольшие – в них с трудом проехал бы малогабаритный грузовик – и почему-то не оборудованные даже символическим запором, но тем не менее тщательно очищенные от ржавчины. К воротам не вело ни дороги, ни тропинки. Крепость явно не была включена в экскурсионные маршруты местных краеведческих музеев и не посещалась уже довольно давно.

– Небось охламоны-туристы вроде нашего студента все внутри позагадили, – предположил прапорщик, распахивая ворота – тугие, но не издавшие ни одного скрипа. – Хотя сдается мне, последние пару лет это место не пользуется особой популярностью. С чего бы это вдруг? Уж больно ландшафты здесь пригожие.

– Зря вы, Архип Семенович, так плохо о Паше отзываетесь, – вступилась за своего верного поклонника Леночка. От ее неожиданного внимания Тумаков прямо-таки просиял и наградил Охрипыча победоносным взглядом. – Неужели у вас у самого детей нет?

– Как так нет? Очень даже есть, – ответил Хриплый, обтирая ладони о штаны. Непонятно, где он успел запачкаться, – ворота выглядели будто только что с реставрации. – Двое. Ваши ровесники, кстати: сыну Валерке – двадцать, а дочери Евдокии на днях семнадцать исполнится. Вот только попробовали бы они у меня озеленением своих волос заняться – вмиг засранцам лохмы поотстригал бы!

– Несчастные ребята, – искренне посочувствовал Паша молодому поколению Хриплых. – Такой облом с отцом! Вы их, поди, Архип Семенович, за любую мелкую провинность строевым шагом по дому ходить заставляете. Или порку устраиваете.

– Строевую подготовку в квартире проводить нельзя – внизу как-никак соседи живут, – заметил прапорщик. – Порка – тоже не дело. Меня вон в детстве ремнем чуть ли не ежедневно порол, а за ум я только к тридцати годам взялся. А вот отжимаются от пола проказники у меня регулярно.

– Даже Евдокия? – ужаснулась Веснушкина. Похоже, отцовский ремень относился ею к разряду более мягких телесных наказаний.

– Даже Дуся! – категорично заявил Охрипыч. – А что? Отжимание, замечу я вам, самый эффективный вид дисциплинарного взыскания. Двойной эффект! Во-первых, дает прочувствовать тяжесть вины не хуже порки, а во-вторых, еще и мускулатуру развивает. Моя Дуся, к слову, чемпионка микрорайона по армрестлингу среди школьников! Могу поспорить, что тебя, студент, она на руках за пару секунд поборет.

– Видать, хулиганистая была девчонка, ваша Евдокия Архиповна, раз все детство только и делала, что трицепсы качала, – вынес умозаключение Тумаков. – Как хорошо, что у нас в роду военных не было.

– Ты бы не зубоскалил, Павел Батькович, а мотал на ус, что тебе старшие советуют, – пожурил Охрипыч Свинга. – Вот хлебнешь лиха со своими детишками, попомнишь тогда мои слова... Эй, есть тут живая душа?! Если да, отзовись, будь добра!..

Окрик прапорщика предназначался для туристов, которые могли в данный момент находиться в крепости. Хотя, на самом деле, вряд ли здесь обнаружилась бы другая группа посетителей. Звонящая тишина, что воцарялась вокруг нас всегда, как мы прекращали разговор, явственно указывала на необитаемость здешних краев. Не сказать еще хуже – аномальной зоны. Я все надеялся, что, когда на часах наступит время рассвета, солнце взойдет-таки на небосклон и все вернется на свои места. Но стрелки уже подоברались к десяти, а компьютерный сбой в божественной канцелярии так до сих пор и не был устранен. И чем дальше, тем меньше во мне оставалось уверенности, что Создатель вообще принимает на сей счет какие-либо меры.

А может, Господь учинил весь этот спектакль специально ради нас? Решил со скуки развлечься и понаблюдать, как стайка белых мышек ищет выход из лабиринта, пытаясь унюхать, откуда доносится запах сыра. Каков, однако, шутник! Взял бы лучше и довел наконец до ума свое главное творение, сварганенное Господом в рекордный шестидневный срок. Или избавил в кои-то веки человечество, например, от болезней и войн. Чем не занятие для воистину всемогущего Творца? Но нет, он, как и раньше, выбирал для себя другие, менее обременительные дела. Не по этой ли причине миллионы молитв год от года так и остаются без ответа?..

Больше всего мы опасались, что нам придется долго шастать в крошечной темноте по этажам крепости, разыскивая межэтажные переходы и лестницы. Но оказалось, что внутреннее устройство «утюга» сродни обычному храму. То есть изнутри он представлял собой единое помещение, только в отличие от изысканных храмовых росписей стены крепости были такие же серые и мрачные, как снаружи.

Благодаря огромным окнам бледного уличного света нам вполне хватило на то, чтобы еще с порога осмотреть просторный зал целиком. Из-за специфической формы здания я ощутил себя в нем словно клоп – внутри старинного пустотелого утюга, который нагревался от засыпаемых в него печных углей; таким допотопным утюгом когда-то пользовалась моя не доверявшая электричеству прабабка. Весьма неудобное состояние. Мне все чудилось, что вот-вот в недрах стен загудит какой-нибудь коварный механизм и они начнут сходиться, чтобы растереть нас – незваных гостей – в порошок.

Зря Охрипыч ворчал: в крепости мы обнаружили такой же идеальный порядок, какой бывает по утрам на Красной площади в Москве. Каменные плиты пола были состыкованы столь же идеально, как булыжники в стенах, и сияли чуть ли не девственной чистотой. Похоже, мертвый штиль держался в этих краях постоянно, а иначе тут давно все запорошило бы песком через огромные окна, даже несмотря на регулярную уборку.

Чтобы выбраться на плоскую крепостную крышу, нам следовало сначала подняться по лестнице на карниз, который опоясывал здание изнутри, аккурат под окнами. Разгуливать по

этому выступу было довольно рискованно. Он имел в ширину чуть более метра и был начисто лишен перил, как и тот странный мост, на котором мы столкнулись с горбунами. Я затруднялся сказать, с какой высоты мне предстояло падать на камни в случае неудачного восхождения. Зато абсолютно точно знал – второго шанса подняться на крышу после такого падения у меня уже не будет.

Впрочем, никто и не вынуждал нас устраивать самоубийственные прогулки возле окон. Лаз на крышу располагался в шаге от того места, где лестница выходила на карниз. Даже Леночка и дядя Пантелей изъявили желание взглянуть на мир со смотровой площадки крепости. Всех нас терзало любопытство, что же находится на другом берегу озера. Мы были уверены, что такой чересчур спокойный водоем вряд ли окажется безбрежным.

Лестница тоже не имела перил – надо заметить, весьма странная здешняя традиция, – но она была гораздо шире карниза и проходила впритык к стене, отчего подъем дался нам хоть и с трудом, но без особого страха. Все, кроме нас с Банкиршей, поднимались налегке, побросав вещи прямо на ступеньках. Я и Агата не рискнули оставлять нашу компактную поклажу и предпочли захватить ее с собой. Я сказал спутникам, что в кейсе – важные служебные документы, за сохранность которых директор «Эспадона» Глеб Свекольников отвечает головой, а мнительная Банкирша просто перестраховывалась. Наверное, будь у нее такой же чемодан, как у певицы, Агата не поленилась бы затащить на верхотуру и его, лишь бы только не бросать свое добро без присмотра.

Маленькая загвоздка возникла при переходе с лестницы к ведущему на крышу лазу. То, что снизу казалось плевым делом, на высоте воспринималось совсем по-другому. Стоило только Леночке и Банкирше бросить мимолетный взгляд с карниза вниз – чего, кстати, прапорщик загодя настоятельно попросил женщин не делать, – как они вмиг побледнели и замерли в нерешительности. А ничем не огороженные оконные провалы лишь усилили страх высоты и заставили колени наших спутниц предательски задрожать.

Проблема разрешилась довольно просто. Охрипыч встал возле лаза, ведущего в узкий колодец со стремянкой, и, взяв женщин за руки, помог тем по очереди преодолеть опасный участок пути. Дяде Пантелею, Тумакову и мне такая помощь не требовалось, хотя было заметно, что Иваныч и студент тоже слегка нервничают.

На крыше крепости также царило безветрие. В нашем положении это оказалось очень удобно. Мы могли без опаски подходить к краю смотровой площадки – тоже, естественно, лишенной перил! – и с комфортом любоваться окружающим пейзажем.

Высота и впрямь производила впечатление. Вот только жаль, что смотреть отсюда было абсолютно не на что. Ту же самую картину мы четверть часа назад наблюдали и с берега: лесистые холмы и серебристая озерная гладь – такие же безжизненные, как и прежде. Только теперь холмы простирались перед нами на куда большее расстояние, равно как и озеро стало огромнее чуть ли не на порядок. Наш кругозор ощутимо расширился, но толку от этого не было. Противоположный берег продолжал оставаться невидимым и недостижимым, а на нашем берегу ничего, кроме опостылевших холмов, не наблюдалось. Все это нагнетало на нас уныние, от которого только и оставалось, что броситься в озеро. К счастью, настроение в нашем коллективе было пока далеко от суицидального.

Выбор дальнейшего маршрута разнообразием не блистал. За неимением водного транспорта и карты приходилось решать, в какую из двух сторон направиться: вправо или влево по берегу. Рациональнее всего было, конечно, разбиться на две группы – в таком случае наши шансы на успех возрастали. Правда, угроза столкновения с «копейщиками» при этом тоже увеличивалась. Но даже останься мы в одной команде, вряд ли нам удалось бы отбиться от группы количеством более четырех-пяти горбунов. У меня в наличии имелось лишь полтора магазина патронов. Устрой враги облаву по всем правилам и во всеоружии – я был уверен, что во второй раз горбатые на рожон не попрут и возьмут с собой что-нибудь поэффектив-

нее копий, – и нас уничтожат за считанные секунды. Единственным нашим спасением являлся скорейший поиск населенного пункта, где можно было укрыться от рыскающих по пустошам банд. Та наша группа, которая достигнет убежища первой, потребует выслать за остальными товарищами спасательный вертолет или внедорожник. Поэтому, во избежание долгих поисков, никто из нас не должен был отходить от берега дальше чем на километр.

Идея с расширением области поиска была принята единогласно, после чего для меня настал, можно сказать, момент истины. Кандидатуры лидеров групп даже не обсуждались: Хриплый и я. А уж остальным четверым предстояло выбирать, к кому из нас примкнуть. Я резонно предположил, что со мной пойдут студент и певичка. После произошедшей на мосту моей размолвки с товарищами Паша и Леночка оставались единственные, кто не посматривал на меня откровенной букой. Просто Веснушкина не являлась скандалисткой по природе, а Тумаков ни на кого, кроме Леночки, и смотреть не хотел, даже начини я расхаживать перед ними на голове.

Но все вышло с точностью до наоборот. Первой право выбора получила Агата. Каково же было мое изумление, когда эта стервозная дамочка без колебаний затесалась ко мне команду! И не успел я отойти от удивления, как под мое начало прибыл второй доброволец – дядя Пантелей.

Вот те на, только и подумал я... Хотя, если разобраться, в выборе этих двоих прослеживалась определенная логика. Банкирша, как женщина хитрая и осторожная, решила держаться поближе к моему пистолету, а заботливый Иваныч, судя по всему, желал оградить молодежь от дурного влияния пьяницы и дебошира, то бишь меня.

У Веснушкиной и Тумакова не оставалось выбора, кроме как поступить под командование Охрипыча, который, судя по всему, оказался не в восторге от такого расклада. «Батя» и «термоядерная баба» импонировали прапорщику больше, чем зеленый (во всех смыслах) студент и робкая красотка. Я же воспрянул духом, потому что моя команда так или иначе была более неприхотливой и не требовала постоянной опеки. Впрочем, прапорщик не обиделся: никто моих «буржуев» ко мне в компанию силком не загонял, и все было решено по-честному.

Перед тем как расстаться и разбредиться по берегу в разные стороны, мы решили прямо здесь, на крыше крепости, устроить прощальный завтрак из великодушно выделенных нам Агатой родительских гостинцев. Чисто символический перекус, потому что прихваченной из поезда провизии все равно не хватило бы надолго, а сколько нам еще предстояло скитаться по этим холмам, было известно одному Всевышнему. Банкирше пришлось поделиться провиантом с командой Хриплого, поскольку им в этом плане было совсем туго. Во вместительном багаже Леночки для еды места не нашлось, а в сумках студента из продуктов болталась только пара банок пива. Про прапорщика и вовсе нечего было говорить: у него в карманах отыскалась лишь горстка семечек.

Однако не успели мы сгрызть по соленому огурчику, которые мама Банкирши, надо отдать ей должное, консервировала великолепно («Под такой бы закусон, да по стопарику!» – мечтательно вздохнул Хриплый, отведав прощальную трапезу), как вокруг опять начало твориться что-то неладное. Пол под ногами задрожал, будто у стен крепости проходил груженный поезд-товарняк. Мы вскочили на ноги и бросились к краю площадки, желая узнать, что же там случилось внизу.

Но у ворот ничего не происходило. Как и у подножия утеса, хотя «утюг» продолжал содрогаться от фундамента до крыши. Вряд ли это разыгралось стихийное землетрясение: первых, колебания были слишком слабые и частые, а во-вторых, ряби на воде не прибавилось, хотя при подземных толчках озеро наверняка пришло бы в волнение. Значит, что-то вибрировало непосредственно в самой крепости. Но что там могло двигаться? Уж не лестница ли ненароком обвалилась?

– Посидите пока здесь, – приказал я забеспокоившимся об оставленных внизу вещах «буржуям», а прапорщика поманил за собой: – Пойдем, Охрипыч, глянем, что почем...

Теперь Хриплый тоже был при оружии. Угодив волею судьбы в команду к прапорщику, Тумаков сразу же решил подмаслить сурового наставника и выделил ему напрокат добротный туристический нож, который Паша достал из сумки и носил в кармане толстовки после стычки на мосту; «Дедушка подарил» – так пояснил студент наличие у него в багаже холодного оружия. Охрипыч инициативу подчиненного одобрил, поблагодарил за оказанное доверие и, прицепив ножны к поясному ремню, стал полностью соответствовать статусу командира.

Оставив кейс под присмотром дяди Пантелея, я направился к люку. Охрипыч без разговоров последовал за мной. Что бы ни происходило внизу, сейчас мы занимали выгодную позицию, и покидать ее было глупо. Если странные звуки издавали наши враги, то сдерживать их атаку, сидя на крыше, будет достаточно легко. Можно даже не тратить боеприпасы – знай лупи этих Гусов-Биков по головам по мере их появления в узеньком лестничном колодце. Разумеется, при условии, что по наши души опять явятся копейшики, а не вооруженные до зубов спецназовцы с группами огневой и воздушной поддержки. Прапорщик тоже не хотел раньше времени покидать стратегическую высоту и мою инициативу провести разведку оценил как очень своевременную.

Мы спустились по стремянке, покинули колодец и, прислонившись спинами к простенку, расселись на узком карнизе. Дальше спускаться не было смысла – отсюда огромный зал просматривался как на ладони.

Внизу и впрямь творилось нечто прелюбопытное. Грохот и вибрация исходили от каменных плит пола, но не всех, а только тех, что были расположены в центре зала. По неизвестной причине они вдруг встали на ребро и начали походить на раскрытые жалюзи. Вдобавок вздыбившиеся плиты еще и сдвигались от центра к стенам, открывая нашему взору то, что таилось под полом.

А там находился квадратный и довольно широкий – размером с приличный бассейн – вход в вертикальный колодец, чьи стены были выложены из чего-то блестящего: то ли кварца, то ли стекла. Глубину колодца определить не удалось. Не исключено, что он, подобно тому рву, тоже вел в непроглядный мрак. Но если ров возник у нас на пути случайно (хотя утверждать это наверняка я бы, пожалуй, не стал), то на сей раз недра этой загадочной земли разверзлись перед нами по чьей-то конкретной воле. Механизм, что ворочал плиты пола, был запущен человеческой рукой, а пульт управления каменными «жалюзи» находился, очевидно, на дне шахты.

– Не нравится мне, браток, вся эта хренотень, – поморщился Хриплый. – Может, она и не связана с нашим приходом, но все равно не по себе как-то. А еще эти гребаные вещи! – Он указал на брошенные на ступеньках чемоданы. – Так бы отсиделись по-тихому на крыше и потом сбежали, а теперь придется молиться, чтобы хозяева zenки свои вверх не пялили.

– Думаешь, в колодце горбуны прячутся? – спросил я.

– Больше некому, – уверенно заявил прапорщик. – Сдается мне, та обкуренная троица собиралась именно сюда Агату Юрьевну доставить. Наверное, мы сунулись на территорию какого-нибудь наркокартеля, а тут у них фабрика по производству наркотиков или схрон. Сам посуди, браток: земли вокруг дикие – ни дорог, ни связи. Даже ни один самолет за все это время над нами не пролетел. Идеальное место, чтобы темные делишки проворачивать... Вот ведь влипли, а!

То, что колодец является лифтовой шахтой, мы поняли, когда из квадратной дыры на поверхность плавно выехала большая грузовая платформа. Наши худшие опасения подтвердились: из подвала на лифте прибыли пятеро горбунов, причем четверо из них держали наготове оружие – те же копы, какими размахивали перед нами головорезы Бика.

Однако эта пятерка пребывала в повышенной боеготовности не из-за нас. Как и само появление здесь горбунов явно не имело отношения к нашему вторжению. Вооруженные уроды не бросились вверх по лестнице, едва только лифт остановился, и вообще не стали заниматься нашими поисками. Зачем хозяева подземелий пожаловали на поверхность, стало понятно, как только мы присмотрелись к пятому члену их команды.

Этот горбун был безоружен, но вовсе не потому, что он являлся командиром группы или оберегаемой телохранителями важной персоной. Четверо копейщиков не оберегали, а стерегли доставленного ими из подвала человека, поскольку он являлся их подконвойным.

Заключенный в тесную клетку-паланкин, горбун сидел, скрестив ноги по-турецки, и поначалу выглядел забитым, смирившимся со своей участью арестантом. Однако, едва платформа дошла до верха и остановилась, пленник начал тут же обеспокоенно суетиться и ози-раться. В отличие от него конвоиры не проявляли никаких признаков волнения. Дождавшись, пока лифт остановится, они ухватились за ручки паланкина и решили было продолжить путь, но взбудораженный арестант начал яростно раскачивать клетку, тем самым мешая эскорту двигаться.

– Концептор! – закричал пленник. – Он здесь! Этого не может быть! Концептор где-то рядом! Да стойте же вы, эй!..

Конвоиры подчинились просьбе заключенного, но лишь затем, чтобы провести с ним профилактическую беседу. Подспудные методы, что использовали при этом вертухаи, являлись, мягко говоря, антигуманными. Нарушение, за которое в обычной тюрьме арестант получил бы резиновой дубинкой по ребрам, здесь каралось гораздо строже. Конвоиры просунули копыя сквозь решетку и взялись с силой тыкать ими забияку в бока. Заключенный заблажил от боли, поскольку наверняка получил не меньше дюжины серьезных ранений.

От такого беспредела нас с Охрипычем передернуло, но мы продолжали отсиживаться на карнизе, боясь пошевелиться и надеясь, что нам удастся остаться незамеченными. Процессия направлялась к воротам, и не начни арестант бузить, он и живодеры-конвоиры вскоре покинули бы крепость. После чего нам оставалось лишь спуститься с крыши, похватать вещи и прокрасться вдоль стеночки к выходу...

Но то, что случилось в следующее мгновение, поставило меня перед очень нелегким выбором. И на принятие решения мне отводилось буквально несколько секунд.

Осаженный копиями арестант присмирел, однако окончательно уgomониться и не подумал.

– Человек по имени Глеб! – внезапно заорал он, когда конвоиры подняли паланкин и продолжили путь к воротам. – Я знаю, что ты где-то поблизости! И если ты сейчас меня слышишь, то прошу: помоги мне освободиться! Ты поможешь мне, а я помогу тебе вернуться в твою Проекцию! Никто, кроме меня, больше не вернет тебя домой, Глеб! Скоро ты будешь пойман и отправлен следом за мной, в Беспросветную Зону! Не дай вышибалам изгнать меня из Ядра! Только так мы сможем выжить и восстановить прежний порядок! Тебе ведь хочется, чтобы все вернулось на свои места, верно? И мне тоже хочется, Глеб! Поэтому помоги мне, пока мы с тобой еще можем что-то изменить!

– Рип? – удивленно пробормотал я. Прапорщик посмотрел на меня таким взглядом, словно сейчас я подтвердил его худшие подозрения и с потрохами выдал свою двуличную сущность. А впрочем, разве в действительности это было не так?

– У тебя есть Концептор, Глеб! – не унимался арестант. Приглядевшись, я опять не сумел рассмотреть его лицо. И виной тому был вовсе не полумрак, поскольку лица конвоиров я различал без проблем. – Но ты не знаешь, для чего он нужен и как им пользоваться. Зато я знаю это! А без Концептора тебе, Глеб, никогда не вернуться назад!..

Конвоиры, или, как называл их Рип, вышибалы, уже не реагировали на его вопли. Очевидно, по здешним правилам это уже не считалось нарушением. Что ни говори, а странные понятия о дисциплине в этой тюрьме.

Проклятый Рип! Это, конечно, могла быть коварная инсценировка, но стоило ли тогда конвоирам учинять над арестантом такую жестокую расправу? Значит, моему безликому знакомому и впрямь грозили неприятности, о которых он, помнится, заикался при нашей предыдущей встрече. Требовалось срочно решать, верить его словам или счесть их обычной провокацией. Ведь чего только не наобещаешь под угрозой смерти ради спасения своей шкуры. Однако если арестант действительно говорит правду, то нам никак не обойтись без его помощи... Разве тот невероятный способ, каким Рип меня учуял, не служил аргументом правдивости его слов?

Безликий арестант не обзывал меня шатуном. Он знал мое имя и то, что я прячу у себя в кейсе загадочный предмет. Который, следует напомнить, я намеревался вернуть Рипу при встрече. Конечно, тогда я не предполагал, что наша встреча окажется именно такой, но тем не менее она состоялась, и игнорировать ее было неразумно. В случае смерти Рипа мы ничего не выигрывали, наоборот, имели шанс проиграть очень многое. Освободив пленника, мы могли в равной степени и выиграть, и обрести на свои головы новые неприятности. Как ни крути, а второй вариант был для нас предпочтительнее.

– Не вмешивайся, браток, – обеспокоенно зашептал мне Охрипыч. Он пристально следил за моей реакцией на происходящее и потому сразу определил, что именно я задумал. – Мне, конечно, неизвестно, что за фрукт этот твой знакомый и какие у вас с ним дела. Но если ты встрянешь, боюсь, всем нам придется очень плохо. Уж прости, но это не наша разборка, и лично я не вижу смысла, чтобы рисковать, спасая одного урода от других.

– Теперь, Охрипыч, у нас с тобой просто нет выбора, – помотал я головой, доставая пистолет. – Этого человека нужно выручать, поскольку то, что он говорил, касается всех нас. Долго объяснять, но если ты мне поможешь, я непременно расскажу тебе и остальным, что случилось тогда, в поезде. Не дрейфь, никого убивать я больше не собираюсь. Попробуем взять их на испуг и договориться по-хорошему.

– А ну как не выйдет по-хорошему, что тогда? – усомнился прапорщик.

– Давай не будем пессимистами, – попросил я, вставая с карниза и направляясь к лестнице. – В конце концов, мы имеем законное право на самооборону...

– Только они, похоже, плевать хотели на наши права, – закончил Хриплый, кивнув на вышибал, но не стал отпускать меня одного и направился следом. – Ну попал ты, прапорщик, как кур в ощи́п. Зато теперь точно знаешь, где раки зимуют, дери их всех за ноги...

Конструктивного диалога с вышибалами опять не получилось. Но виной тому был вовсе не нацеленный на них пистолет и не предъявленный мной ультиматум. Повторилась та же история, что и на мосту, только на сей раз финал нашей встречи выдался не тот, к которому мы готовились.

Прежде чем конвоиры услышали мой окрик и остановились, мне пришлось обратиться к ним трижды. Оказывается, повальная тугоухость, которой страдала компания Бика, была для вышибал вовсе не исключением, а нормой. Чего, кстати, не обнаружилось за Рипом. Едва он расслышал мой голос, как тут же обернулся, удостоверился, что мы спешим на помощь, и снова в возбуждении заметался по паланкину.

Повторно наказывать арестанта никто не стал – все внимание горбунов было обращено на нас. Небрежно бросив клетку, словно та вдруг обожгла им руки, конвоиры мигом выстроились плечом к плечу и ошетились копиями.

– Шатуны! – с недоумением и страхом воскликнул один из вышибал. – Прямо возле Рефлектора! Но как им удалось прорваться через Шлюз?!

– Плохо дело, – добавил второй. – Боюсь, без уборщиков нам не справиться. Надо возвращаться в Ядро.

– Стреляй в них, Глеб! – злорадно прокричал Рип, ухватившись за прутья клетки и сотрясая ее, будто разбушевавшаяся горилла в зоопарке. – Стреляй, не медли! Иначе они убьют тебя! Ну же, Глеб, действуй!..

– Заткнись! – рявкнул я на арестанта. Его озлобленность была вполне простительна. Истыкай кто меня копьями, как Рипа, и я рассвирепел бы не на шутку. Но в настоящий момент у нас пока не было повода учинять бойню – вышибалы не кидались в драку, поэтому хотелось надеяться, у них и дальше хватит благоразумия не подставлять лбы под пули.

Держа конвоиров на мушке, я начал громко озвучивать им свои требования, которые, как чувствовал, мне придется повторять глухим копейщикам не один раз. Но едва я подобрался к самой сути вопроса, как они переглянулись и, не опуская копий, начали дружное отступление к лифту. Паланкин с арестантом так и остался стоять возле ворот. Очевидно, горбуны были твердо уверены, что мы не сумеем вскрыть замок клетки до того, как они вернутся сюда с подмогой. А то, что враги дунули именно за ней, я уже догадался с их слов.

– Не дай им уйти, Глеб! – продолжал неистовствовать пленник. – Да что с тобой такое! Пристрели вышибал, кому говорят! Быстрее! Если они вернутся, их будет в десять раз больше!

Конвоиры тем временем добежали до лифта, платформа которого поехала вниз, едва четверка ступила на нее. Кто из врагов включил подъемник, неизвестно. Ни пульта дистанционного управления, ни переговорных устройств, по которым вышибалы могли связаться с оператором подъемника, у них вроде бы не было.

Возможно, мне все же следовало воспользоваться советом Рипа. Насчет усиленного вражеского подкрепления он явно не лгал, что, впрочем, было и так понятно. Но поскольку во всем остальном я пленнику – теперь уже нашему – не доверял, значит, и слепо выполнять его приказы не собирался. Конвоиры вернутся на базу и непременно доложат, что вооруженный «шатун» проявил к ним милосердие. И если потом вдруг выяснится, что справедливость была-таки на стороне вышибал, этот благородный жест мне зачтется. А может, и нет. Все зависело от того, всплыла ли на поверхность правда о том, кто угрожал Бика, Гуса и Рива. Слишком самонадеянный поступок, скажете вы. Но разве я мог быть сейчас вообще хоть в чем-то уверенным?

Лифт увез вышибал обратно, но шахта продолжала оставаться открытой. Мы с Охрипычем осторожно приблизились к краю и посмотрели вниз. Платформа медленно опускалась все глубже и глубже, постепенно исчезая в темноте. Только этот мрак был уже настоящим, привычным нам мраком, а не тем черным маревом, что скрывало лицо Рипа и дно попавшегося нам на пути провала. Фонари в шахте не горели, поэтому определить ее глубину было нельзя. О ней знали лишь вышибалы и сидящий в клетке арестант.

– Ты допустил еще одну ошибку, человек по имени Глеб, – с укором произнес Рип. Прапорщик, который только теперь рассмотрел моего знакомого, от неожиданности даже попятился. И впрямь, как тут не испугаться, когда с тобой разговаривает человек без лица. – Но у тебя хватило благоразумия откликнуться на мое предложение. Это похвально. А теперь выпускай меня отсюда, и давай думать, как нам скрыться от армии, что скоро сюда нагрянет. И случится это, между прочим, по твоей вине, Глеб. Ты опять не послушался моего совета и опять все усложнил.

– Что у тебя с лицом, мужик? – спросил Охрипыч, продолжая держаться от паланкина на расстоянии. Я тоже решил не торопиться даровать арестанту свободу. Все равно лучшего места, чем крыша, нам для обороны не сыскать. О бегстве же не стоило и думать, поскольку скорость нашей эскадры была изрядно ограничена самым тихходным кораблем – Пантелеем Ивановичем.

– Сейчас не время говорить об этом, человек по имени... Архип, – ответил горбун. – Поспешите, прошу вас, – враги уже близко.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – изумился прапорщик.

– Опять несвоевременные вопросы! – раздраженно бросил Рип. – Хорошо, Архип, тебя устроит ответ, что я знал имена всех шести с лишним миллиардов человек в вашей Проекции?

– Чего-о-о? – выпучил глаза Охрипыч.

– Вот видишь, – хмыкнул заключенный. – А тем не менее я сказал тебе правду. Ну так что, долго мне еще внутри этой камеры торчать?

Выход был проделан в задней стенке паланкина, но когда я подошел поближе и осмотрел дверцу, то обнаружил, что никакого замка на ней нет и в помине. Клетка открывалась не сложнее кухонного шкафчика, но я опять-таки не притронулся к дверце, поскольку почуял во всем этом явный подвох.

– Ты издеваешься над нами, да? – угрожающе поинтересовался я. – Мы к тебе в лакеи не нанимались, чтобы дверцы перед вашим сиятельством распахивать! Мало того, что мы вышибал турнули, так нам еще надо тебя обхаживать, как графа?

– Ишь ты, аристократ хренов! – добавил Хриплый, убедившись, чем вызвано мое недовольство. – По мне, так куда приятнее с буржуями якшаться, чем с такими цацами.

– Вы не понимаете! – воскликнул Рип. – Если бы я действительно мог открыть камеру, то уже давно выбрался бы из нее. Но я при всем желании не могу выйти отсюда без посторонней помощи! Отриньте на миг привычную логику и вообразите, что есть в природе существа, для которых закрытая дверь и глухая стена – это одно и то же! Я отлично разбираюсь в мироустройстве многих Проекций, но, к сожалению, обязан подчиняться тем законам, по которым живу. Говоря понятным вам языком, я как будто птица: мне удалось научиться летать, но это не значит, что я перестал считаться с земным притяжением. Я могу свободно чувствовать себя и в вашей, и в других Проекциях, однако единственные двери, которые я умею открывать, – это те, которые закрыл вот этими руками.

Рип продемонстрировал нам свои ладони: узкие, с длинными узловатыми пальцами и испещренные множеством линий. Я бы ничуть не удивился, окажись на пальцах горбуна еще и присоски – слишком уж «нечеловеческими» были у него руки.

– А по-моему, мужик, ты просто гонишь, – без обиняков заявил прапорщик. – И этот твой фокус с лицом... Тоже небось какая-нибудь хитрая маска. Сегодня китайцы на своих карнавальных фабриках чего только не делают...

– погоди, Охрипыч, – перебил я напарника. – Никакая это не маска, поверь. И тип этот вовсе не фокусник. Все гораздо сложнее, чем мы с тобой можем даже вообразить. А ты, Рип, вместо того чтобы твердить про логические заморочки, птиц и притяжение, лучше обрисуй-ка в двух словах, что за ерунда здесь творится.

– Ох уж это человечество! – Мне послышалось, что узник заскрежетал зубами от бесильной ярости. Хотя чем он там в действительности скрежетал, я, конечно, понятия не имел. – Как же вам нравится сначала все усложнить, а потом искать в собственноручно созданном хаосе рациональное зерно! Законы вашей Вселенной, которую у нас принято называть Трудным Миром, – это просто издевательство над здравым смыслом, уж не обижайтесь. Легко сказать: «в двух словах»... Объяснить устройство мироздания в двух словах я мог бы обитателям любой другой Проекции, но только не вашей. Но Рип попробует. В общем, дело обстоит так: сейчас вы уже не на своей любимой Земле. И даже не на другой планете. Вы также не в параллельном и не в виртуальном мире, не в прошлом и не в будущем, не в гипнотическом сне и не в наркотическом бреде... Считайте, что теперь вы находитесь в самом центре того образования, которое у вас принято называть Вселенной.

– Да ты, старик, и впрямь гонишь! – фыркнул я. – Неужели мы торчим прямо в открытом космосе?

– Чересчур утрированно, но для простоты восприятия сойдет и такое объяснение, – подтвердил Рип и добавил: – Отсюда, разумеется, следует вывод, что, ко всему прочему, вы еще и не люди.

– А кто же мы, по-твоему? – нахмурился «нелюдь» Хриплый.

– Для нас вы – всего лишь шатуны, – пояснил Рип. – Ну а мы для вас элементарно не существуем. Хотя, если разобраться, шатуны и чемпионы – то есть мы – существа, грубо говоря, одной крови.

– Вроде как брахманы и шудры, – кивнул я. – Высшая и низшая каста. Аристократия и быдло. Боги и навозные черви.

– Можете понимать и так, – развел руками Рип. – Только заметьте: вы сами предложили это малоприятное сравнение... В общем, дела на сегодня обстоят следующим образом. По причине пока невыясненных обстоятельств два шатуна сумели прорваться на запретную для них территорию чемпионов...

– Шестеро шатунов, – уточнил я. – Честно сказать, нас тут в три раза больше.

– Даже так?.. Ну хорошо, шестеро наглых шатунов нарушили незыблемый порядок, установленный в нашем мире с незапамятных времен. За что, естественно, чемпионы на вас очень обозлились и теперь сделают все, что угодно, лишь бы вышвырнуть интервентов из центра Вселенной на ее окраину... Вот в чем заключается ваша проблема. Пусть не в двух словах изложил, но вроде бы вполне доходчиво.

– А тебя, стало быть, признали виновным в этой халатности и тоже приговорили к ссылке на задворки?

– Ваше появление – это непредсказуемое последствие того, в чем меня обвиняют. Но суть угадана верно.

– Слушай, дядя!.. – Прапорщик в сердцах пнул по клетке, выразив таким образом свое мнение об услышанном. – Вот мы с братком тут стоим и думаем: а какого вообще хера мы тебя отбивали у этих уродов? Чтобы ты, козел, протирал нам уши своей бредятиной?..

– Тише, тише, Охрипыч. – Я положил руку на плечо разозлившегося прапорщика. – Не заводись. Может, Рип и бредит, но тогда придется признать, что у нас у всех тоже массовая галлюцинация. А коллективный бред – уже эпидемия. И пока не вернулись горбатые, давай попробуем изучить наш диагноз. – И обратился к Рипу: – Эй, жертва фэйс-контроля, а ну ответь, что за странная хреновина лежит у меня в кейсе?

– Концептор, который ты отобрал у Человека При Деле и носишь с собой, – единственная причина, по которой вы – шатуны – разгуливаете по миру чемпионов – Ядру – как у себя дома, – не стал ерепениться Рип. – Именно благодаря Концептору вы продолжаете воспринимать действительность такой, какой она была в вашем Трудном Мире. В настоящий момент Концептор для вас будто фонарь. Его свет адаптирует под человеческое восприятие чуждую вам среду чемпионов. Если этот светоч погаснет, вы станете здесь абсолютно беспомощными и беззащитными, как выброшенные на сушу рыбы. Но пока Концептор с вами, Ядро будет казаться вам привычной Проекцией, со всеми ее основными законами и принципами.

– Иными словами, с Концептором в кармане мы можем шататься по центру Вселенной, словно по Земле, и не замечать никакой разницы? – переспросил я, пытаясь вникнуть в смысл услышанного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.